

Матьяна Соловьева

*Что сказал
Бенедикто*

Роман-метафора

Часть 3-4

18+

Татьяна Соловьева

Что сказал Бенедикто. Часть 3-4

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Соловьева Т. В.

Что сказал Бенедикто. Часть 3-4 / Т. В. Соловьева — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-532-09548-9

О том, как складываются отношения секретного корпуса генерала Аланда с миром, о противостоянии Корпуса тоталитарной машине фашизма в Германии 30-х годов рассказывается в финале романа. Герои продолжают непростую духовную работу, отстаивают идеалы благородства и неприкосновенности сознания каждого человека в век бездушного манипулирования сознанием целых наций, народов. Как остаться самим собой и не изменить своим идеалам?

ISBN 978-5-532-09548-9

© Соловьева Т. В., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Часть третья	5
Глава 59. Без Абея	5
Глава 60. Бумеранг	12
Глава 61. Инцидент с концертным ботинком	17
Глава 62. Доменико Скарлатти	25
Глава 63. Первое чудо Корпуса	31
Глава 64. Репетиция	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Часть третья

Глава 59. Без Абеля

Следующие дни, что они провели в гостинице, обернулись для Вебера сущим кошмаром. Аланд проводил все дни с Агнес, Кох, никого не замечая вокруг, был все время с Анной-Марией, а Гейнц с Карлом не оставляли в покое Вебера с Анечкой ни на минуту. Они все время куда-то звали, приходили в гости, постоянно пытались увести Анечку с собой, если Вебер отказывался с ними идти, и расписывали Анечке перспективу безрадостной жизни с меланхоликом Вебером, высвечивая бесконечные преимущества их веселого общества.

– Сходите, Агнес позовите, – бессильно отбивался от них Вебер. – Или Анну-Марию, она твоя сестра, Гейнц, вот и поразвлекай ее, оставьте нас в покое.

– Ну, Вебер, заигрывать с Агнес в присутствии Аланда не мог позволить себе даже Фердинанд. Анна-Мария, кроме своего Коха, все равно людей по лицам не различает, ей что брат, что не брат. А вот Анечка – наш человек, наша сестренка, правда, фрау Анна? Если б вы не выскочили замуж за этого балбеса, мы б вас отбили мигом.

– Прямо так и вы, и так бы и отбили... Я тебе самому, Карл...

– ...что-нибудь отобью, – завершил фразу Вебера Карл.

Вебер сердился, Анечка смеялась.

– Нет, конечно, Вебер, ты прав. Я неправильно выразился. Отбил бы твою жену непременно я. Гейнцек живет в ожидании своей небесной любви, ждать ему еще долго, поэтому он может позволить себе разве что легкий флирт в стиле а-ля господин генерал, а вот мое сердце и моя душа – свободны. И слово тебе даю, если твою жену отобью я, то до флирта у Гейнца дело не дойдет...

То, что Вебер всерьез злился на шутки, веселило их. Аня пыталась сдержаться, но и ей было смешно. Карл с Гейнцем старались вовсю, и все равно уводили их гулять, водили по каким-то подвальчикам – кафе, ресторанам. Сопровождали их на побережье, на Вышгород. Волоком тащили Вебера к Патрику в Церковь и усаживали за орган, и он уже не имел сил от них отбиваться.

– ...Рудольф, ну не злись на них, они же ради тебя стараются. Если Аланд сказал, что у Фердинанда все хорошо, то все хорошо, ты все время думаешь о нем...

Аня пыталась его отвлечь, называя настоящую причину непроходимого горя Вебера.

– Аланд сумасшедший! То, что для него «хорошо», и пережить не всегда возможно. Абель может лежать больной, полумертвый, а для Аланда это будет вполне хорошо. Ты не знаешь его, ты не можешь знать, что в понимании Аланда – «хорошо».

– Но почему остальные доверяют ему, а ты нет?

– Потому что я побывал в тех краях, где с точки зрения Аланда все у меня было хорошо. Абель не хотел уходить, он мог работать и работать, и приносить людям радость и исцеление. Я вижу, что меня заговаривают, как дурака, позволяя говорить себе все, что меня злит, лишь бы я завелся на что-то другое. Аня, ты не знаешь, что такое в моей жизни был Фердинанд. Для меня он и Корпус – это были синонимы, он уходил, и я впадал в благодатную спячку, прекращались все события, я становился тупее идиота, но я был так доволен собой, учился прилежнее девочки с косами, всех слушался, всем нравился. А потом он приходил – брал меня за эти косы и вешал мою идиотскую голову на крючок, пока не выветрится из неё вся благодатная чушь, этого не мог больше никто, даже Аланд.

– Значит, и для Фердинанда слово «хорошо» не всегда имело общепринятый смысл. Значит, он был, как Аланд.

– Но почему же он был? Аня... Прости меня, я понимаю, что сейчас я должен быть счастлив. И я счастлив тем, что ты есть у меня, но для чего Аланд именно сейчас вышвырнул Фердинанда?

– Если ты хочешь побыть один и подумать, твои друзья прекрасно развлекут меня в этом чужом городе, они так интересно рассказывают, словно тысячу лет живут здесь и знают легенду, историю каждого дома и закоулка. Перестань сердиться, я буду проводить время с ними, пока тебе ни до кого.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, ты мне очень нужна. Когда и тебя нет рядом... Аня, я не вижу Фердинанда, обычно я чувствовал, что с ним, сейчас я слеп, как бесчувственное бревно, и я не знаю, что думать.

– Может быть, Гейнц прав, и тебе лучше больше времени проводить за органом? Рудольф, они не смеются над тобой, они тебя очень любят. Я только удивляюсь, как они умеют скрыть за шутками свою тревогу о тебе и обо мне. И на Аланда, пожалуйста, не злись, он не предал бы Фердинанда, а ты обвиняешь его именно в этом. Ты бываешь несправедлив к тем, кто любит тебя. Мне нужно, чтобы ты сейчас просто был рядом. Мне очень нужно, чтобы ты был спокоен, Рудольф.

– Я ни на секунду не забываю о тебе. Насчет покоя... Я возьму себя в руки. Неужели ты не понимаешь, что это не пустая тревога?

– Не понимаю. Тебе говорят, что у Фердинанда все хорошо – ты не слышишь. Аланд и Агнес заботятся обо мне так, как никто и никогда в жизни обо мне не заботился, и я знаю, что их забота обо мне – забота о тебе, они все делают, чтобы мы не отделились друг от друга с первых же дней. Ты только думаешь, что ты стремишься ко мне, как прежде, дай тебе волю – и ты бы давно убежал на поиски Фердинанда и оставил меня.

Вебер метался по комнате, не понимая, что возражать. Как объяснить ей, самому близкому человеку, что он не может ни единой клеткой расстаться с ней, и не может ни на миг выпустить из сознания стойкий позывной к Фердинанду.

– Аня, но это единственное, что я не могу сделать даже для тебя, перестать быть собой, я не могу измениться. Во мне нет спокойствия, но ты выбрала меня таким. Почему теперь ты не можешь мне этого простить? Фердинанд тоже не умел быть спокойным...

Он говорил уже на повышенных тонах, и все бы это могло привести к ссоре, но вошел Аланд, чуть кивнул Веберу, смолкшему на полуслове, приобнял за плечи Анечку, уводя ее с собой.

– Ты так о себе значительно говоришь, Вебер, словно ты само совершенство. Не может он измениться... Не поверишь, как быстро ты можешь измениться. Пакуй чемоданы, вечером уезжаем, а мы пока подышим свежим воздухом с фрау Анной. Беременной жене полезнее прогулки, чем твоё беснование, поверь мне, это я тебе как врач говорю.

Даже Анечке эти слова Аланда показались слишком строгими, она не без опасения оглянулась на Вебера, тот отвернулся и промолчал.

– Какой вам нервный муж достался, – смеялся Аланд, прихватывая Анечкино пальто и платок, и сапоги на ее ногах он, разумеется, застегнул сам.

– Зачем вы лезете в мою жизнь?

– Будешь мне дерзить, в Корпусе еще и отлуплю, имей в виду... Беги лучше Абеля догоняй, если, конечно, у тебя хватит прозорливости его отыскать. Но рад он тебе не будет.

– Старый осел... – прошептал Вебер.

Аня удивленно посмотрела на смеющегося Аланда – и на это не рассердился?

– Это он о себе в старости. Все, что непочтительного дети говорят о родителях, они говорят о самих себе в старости, старая истина, а на него не сердитесь, с неопытными мужчинами такое бывает, не съешь себя, Вебер.

Вебер в подоконник вцепился, чтобы не броситься на Аланда.

– Не ты первый, Рудольф, не ты последний, не отчаивайся. С Фердинандом тебе стоило об этом в первую очередь поговорить, в поезде поболтаем, если у меня будет настроение, но в Корпусе оно у меня будет непременно. Спокойствию я его научу, фрау Анна, у вас будет не муж, а воплощенное спокойствие, поверьте.

В поезде Вебер провалялся на полке глаза в потолок, сон не шел к нему. Приедет в Берлин, закроется с ней дома, и на порог никого не пустит.

В Берлине кто-то подогнал Аланду его «мерседес», Коху его «опель». Вебер присматривал такси.

Аланд дружелюбно опустил ему на плечо руку.

– Ты садишься с Кохом, Гейнцем и Карлом. Женщин я отвезу.

– Куда вы их отвезете?

– Ты возвращаешься в Корпус – и по расписанию, я скоро вернусь.

– Как это в Корпус? Я еду с женою домой.

– С твоею женою к себе домой еду я, если ты не понял, а ты возвращаешься к выполнению своих прямых обязанностей, меньше у тебя их не стало.

– Я поеду домой, я хочу побыть дома.

– Вебер, не спорь, поехали, – сказал Кох.

– Ты тоже в Корпус, Вильгельм?

– У него что-то со слухом, – сказал Аланду Кох и, не доверяя слуху Вебера, подтолкнул его в спину к машине. – Целуй жену – и поехали.

Вебер посмотрел на Анечку и не сдвинулся с места.

– Рудольф, я подожду, – Аня сама подошла, обняла его за шею. Отворачиваясь от всех, он все-таки прижал ее к себе и долго целовал.

– Фенрих снова в сказку попал, – сказал Карл. – Так мы до завтра стоять будем, ладно, не навсегда прощаешься. Господин генерал добрый – он тебя на Рождество домой отпустит, да, господин генерал? Что тут – пустяки, два месяца и осталось.

– Карл, рот закрой, – сказал Кох.

– Вильгельм, устрой им там разрядку, чтоб к моему приезду все были в адекватном состоянии, – сказал Аланд. – Идемте, Анечка. Я понимаю, что впрок нацеловаться невозможно. А тебе, Вебер, за право на побывку придется поработать, ты с себя погон не снимал.

– Я комиссован!

– Это для всего мира ты комиссован, а для меня нет, ты сам клялся твоей жене, что года не пройдет, ты будешь офицером. Поезжай исполнять. Майором станешь, будешь жить дома с женою рядом, чуть-чуть осталось, а пока придется к гастролям готовиться, раз ты комиссован. Дома у тебя не получится, при такой женщине сидеть и на клавесине сутки напролет играть, это было бы странно. И если бы это было не так, мы бы лучше Карла вместо тебя женили.

– Нет, господин генерал, я еще от этих женитьб долго отходить буду, – возразил Клемперер.

Аня смеялась, сцена резко утратила свой драматизм.

– И то правда, Карл. Поезжайте, – сказал Аланд, не сводя с Вебера глаз.

– Как я тебя ненавижу, гад... – прошептал Вебер, отворачиваясь от Аланда.

Аланд все улыбался. Вебер спиной ожидал хорошего тумака от Коха, но Кох как-то бережно приобнял его и повел к машине.

– Фенрих, все это пустяки, – очень тихо сказал ему Кох. – Ты подумай о том, что было два месяца назад. Я не думаю, что ты не в выигрыше. Хочешь туда – в волшебное прошлое? Она еще женою Адлера была, а ты Хабанеру в кабаке только отыграл – и сколько расхлебывал. Не гневи Господа, мы имеем с тобой больше, чем могли себе вообразить. Подожди немного, Аланд никому еще в любви не препятствовал.

Да, в самом деле, совсем недавно развернулась череда катастроф, перемен, перестановок. Кажется, что с тех пор миновала вечность – Кох прав. Кох проводил Вебера до машины и вернулся проститься с Анной-Марией.

Аланд усаживал женщин в машину с галантностью великосветского кавалера. Анечку он посадил последней. Она остановила Аланда.

– Аланд, вы что, правда, знаете, что они думают, делают и говорят?

– Работа такая, деточка.

– Как же они живут? Я бы так не смогла.

– Так я и твои мысли знаю, ты теперь часть этого дуралея, пусть самая лучшая, но его часть. Не думай об этом, еще отца и матери люди иногда стыдятся, а учителя – никогда. Он же всегда в тебе, приходится жить с ним, как с паразитом, вытворишь что хочешь, он слова не скажет, и никуда он не денется. Люди Христа – и того не стыдятся, допуская вполне официально, что он все видит, все слышит и знает все наши помыслы. Знает – и черт с ним, правда? Самые совестливые раз в неделю в церковь придут – покаются – и пойдут себе делать, что делали. С учителем по-другому, иначе ничему не научишь. Такая работа. Когда твой муж сам пойдет учить вместо меня – тогда он цену своему гаду поймет. И все его гады ему возвратятся. Сейчас и говорить бесполезно, он этого не понимает, он пока сгусток страстей. Агнес, я почти сразу вас оставлю, ты понимаешь...

* * *

– Вебер, в зал, делаешь энергетическую гимнастику, готовишься к музыке. Аланд вернется, займется тобой, – едва вышли из машины, сказал Кох.

– Я ничего не буду делать не буду, я не маленький мальчик, – на всякий случай огрызнулся Вебер.

– А похож, – сказал Гейнц.

– Да, – подтвердил Кох, улыбаясь.

Гейнц с Карлом с удовольствием смотрели на них.

– Гейнц, у тебя в пять история музыки, если верить преданиям, иди, готовься. Карл, у тебя математика в три, следовательно, ты успеешь озадачиться обедом.

– А, так Гейнцек читает в пять, и он не успевает, а у меня в три – и я с обедом.

– Именно, тебе готовиться меньше.

– Как скажете, господин полковник. Гейнц, ты замечаешь, какой дрянью стал наш Кох? А я когда-то считал его своим другом.

– Ничего, Карл, – ответил Кох, – не ты один заблуждался.

– А вы чем будете заняты, господин полковник, если это не государственная тайна?

– Тайна, Карл.

– Можно идти?

– Давно пора. Вебер, а ты почему еще здесь?

– Я не собираюсь ничего делать, я вам сказал.

– Гейнц, Карл, идите.

– Хотелось посмотреть, Кох, как ты фенриха обломаешь, – честно сказал Клемперер.

– Вообще-то, с дороги ополоснуться неплохо, – сказал Гейнц. – Вы тут поругайтесь, а я пошел. Педагогика – это не мое.

– Тебе-то что, Гейнц? В комнате все удобства, – сказал Клемперер, – это у меня на кухне – только раковина, я в нее не помещусь.

Карл повернулся, чтобы уйти, Вебер попытался его остановить.

– Карл, давай я вместо тебя? – предложил Вебер.

– Что вместо меня? В раковине помоешься?

– Нет, обед пойду готовить, все равно я не буду ничего делать.

– Иди умойся, остынь, хотя – если тебя свернуть потуже, ты-то и на кухне в раковину влез бы. Но с обедом я сам. В таком настроении, как у тебя, Фенрих, еды лучше не касаться – ты ж всех отравишь. Я сам. Кох, на аэродром я попаду когда-нибудь?

– Завтра поедем, Карл.

Вебер смотрел на Коха в упор, но с места не двигался.

– Гейнц, добрось нашего жениха до зала, а то как бы фрау Анне сегодня вдовой не остаться. Если сейчас Аланд вернется... – сказал Кох.

Гейнц, посмеиваясь, подошел к Веберу, раскрывая руки, чтобы в обнимку увести его с собой.

– Вебер, давай без демонстрации, пойдём.

Кох что-то шепнул Карлу, Карл вскинул брови, заулыбался.

Кох пошел к себе, Карл передал услышанное Гейнцу. Гейнц с серьезным видом кивнул.

– Фенрих, хочешь, чтобы Аланд сегодня отпустил тебя домой?

– Разумеется, хочу.

– А это, оказывается, очень просто. Кох сказал, а он у нас умный.

– И что сказал умный Кох?

– Он сказал, что ты сейчас, не артачась, изображаешь скотское смирение – идешь в зал, потом играешь Аланду так, чтобы Скарлатти в гробу от восторга заплакал, и ты едешь домой.

– Ты уверен?

– Кох уверен, а эта шельма не стала бы зря говорить.

– А если врет?

– А если нет? Давай поспорим? Если ты проиграешь – то ты не едешь домой, когда Аланд тебя отпустит. А если проиграю я, и он тебя не отпустит, то я скажу Аланду, что он старый осел.

– Так и скажешь?

– Так и скажу. Только ты должен сделать все как следует, халтура не принимается. Если ты все сделаешь хорошо, как ты это умеешь, поедешь домой. Аланд тебя проверяет, бунт твой не выгоден, прежде всего, тебе, а так-то Аланд добрый, ты же знаешь, не тебя, так Анечку пожалеет, к женщинам он снисходителен.

Вебер посомневался, но интуиция упрямо ему твердила, что Кох сказал правду. Вебер под колонкой умылся и пошел в зал, едва он скрылся, Гейнц с Карлом переглянулись и рассмеялись.

* * *

Аланд появился в Корпусе, и сразу направился к Веберу в музыкальный зал. Тенью промелькнул в последний ряд, долго слушал и только когда Вебер прервался, сказал:

– Вижу, что позанимался, молодец. Возьми ноты, сядь рядом, – листая том сонат Скарлатти, Аланд вносил уточнения, Вебер увлекся, позабыв про свои обиды. Завершил свой комментарий к игре Вебера Аланд неожиданной фразой:

– В целом, неплохо поработал, до шести утра свободен.

– Я могу уехать домой?

– Я бы тоже уехал.

На выходе из зала Вебера поджидал Гейнц.

– Отпустил?

– Отпустил.

– Отлично, ты проиграл, значит, не едешь...

– Ты что, Гейнц?

– Мы же поспорили... Ты говорил – не пустит, я говорил – пустит. Ты проиграл, а раз ты проиграл, то ты не едешь домой.

Вебер только теперь понял коварный смысл пари, заключенного с Гейнцем.

– Да иди ты знаешь куда, Гейнц...

Аланд подошел к ним.

– О чем спор?

– Господин генерал, он проиграл мне пари – и не хочет выполнять условия.

– Какие были условия, Вебер?

– Я даже не понял, как он мне сумел их подсунуть. Про осла я понял, а про то, что я не поеду домой... Гейнц, ты знаешь, кто ты?

– Подожди, Вебер. Про осла можно подробнее?

– Нет, господин генерал, – встрял Гейнц, – причем тут это? Вы просто скажите: если пари заключено – условия должны быть выполнены?

– В случае, если бы я его не отпустил, ты, Гейнцек, назвал бы меня прямо в лицо старым ослом, так?

– Но вы же отпустили.

– А если я отпущу, то Вебер, как проигравший пари, домой не едет?

– Да, он проиграл.

– Насчет того, что ты мне в лицо скажешь, Гейнц, мы подумаем, а Вебер, получается, домой не поедет.

Вебер сдерживал себя, чтобы не схватить и Гейнца, и Аланда за шеи и не сшибить их лбами – чтобы ему за это не было.

– Вебер, садись в машину и поезжай к фрау Агнес, твоя жена там, забери ее, не пешком же ей идти, едешь не домой, пари не нарушено. А подполковник Хорн пусть зайдет ко мне в кабинет для выяснения некоторых вопросов служебной субординации.

Гейнц весело рассмеялся.

– Мне было даже интересно, как вы вывернетесь, господин генерал. Фенрих, дурак, да наплевал бы я первый на это пари... Ты бы никуда не поехал, если бы ты продолжил корчить осла на плацу, как изначально собирался, и не сделал того, что тебе сказали. Но ты сделал.

– Это точно, Гейнц, а про осла в мой адрес ты как благородный человек и почтительный ученик хотел умолчать – да Вебер выдал. Бегом, Вебер, пока я не передумал. Коха оторви по пути от ученых занятий, пусть зайдет, ему тоже пару слов скажу. Кох посоветовал?

– Не сделал бы Вебер, что вы сказали, вы бы его домой не пустили.

– Не увиливай: тебе сказал так сделать Кох?

– Мне? Карл. Честное слово, Карл, у него спросите. Кох вообще стал странный!.. Я с ним не разговариваю и сто лет бы еще не разговаривал. Он нам приказы раздавал, Карла вообще на кухню отправил. ...Терпеть не могу вашего Коха!

Аланд смеялся, слушая искренние тирады Гейнца.

– Уйди, Гейнц. Вильгельму скажи, чтобы и он шел к черту. Не хочу вас видеть. Делайте сегодня, что хотите, завтра с утра за вас возьмусь.

– Конечно, поезжайте домой, господин генерал, фенриха перегоните. Еще лучше будет, если вы и Коха домой отправите, пусть уедет, надоел – сил нет.

– А вы тут с Карлом продолжите праздник жизни?

– Поиграем... Мы с Карлом привыкли.

– Гейнц, что в работе Корпуса, Гейнц, является главной дисциплиной?

– Музыка. Для кого-то – медитация, для кого как.

– И для тебя так, и для Карла больше, чем так, немного поиграйте, Бог с вами, а потом, если я вас увижу занятыми чем-то другим...

– Господин генерал, ну шпионить-то за нами зачем? Вы ж не за этим домой поедете. Передайте фрау Агнес от меня, что она лучшая женщина в мире, она красавица, она фантастическая женщина, – две жизни терпеть вас – я бы не смог, господин генерал. Это притом, что я вас очень люблю. Как же она вас любит? Меня бы кто так полюбил...

Гейнц сдерживал смех и отступал.

– Господи, где ты таких стервцов набрал? И почему все они достались именно мне?

– Не все же стервцы, Кох предан вам до утробного подхалимажа.

– Господин генерал, вызывали? – к ним подошел Кох и, с интересом дослушивая последнюю фразу Гейнца.

– Кох, наподдай этому оратору и поехали по домам, спасибо, что присмотрел. Завтра к шести быть на месте.

Аланд ушел. Кох продолжал смотреть на Гейнца.

– Ладно, Кох, я тебя отмазывал. Обижаться, что ли будешь?

– Слишком убедительно, Гейнц, но не буду. Обижается у нас фенрих, и то по неопытности. Удачной медитации, Гейнц.

– Привет сестрѣнке, господин полковник!

Глава 60. Бумеранг

Вебер проснулся в половине шестого утра. Анечка спала на его руке, он не хотел шевелиться, чтобы не разбудить ее ненароком. Надо было вставать, уходить – и вся душа его была против этого. Хотелось, чтобы этот покой в его сердце, покой вокруг него ничем не прерывался.

– Почему ты не встаешь? – сквозь сон спросила Анечка.

– Я не хочу уезжать.

Она открыла глаза, посмотрела на часы.

– Немедленно собирайся и беги.

– Аня, один день – вдвоем, без Карла, без Гейнца, без Аланда. Просто вдвоем.

Анечка сама принесла Веберу форму и отдала прямо в руки.

– Рудольф, так нельзя поступать, ты не можешь остаться. Еще будет время побыть и вдвоем, ты офицер, мне вчера Агнес все объяснила.

– Какой офицер? Скажи еще, что у нас военный Корпус... У нас самодур-отец, которому доставляет радость нас, великовозрастных детей, строить на плацу. Завтра постою, я вообще комиссован, и он сам это сделал. Я музыкант, а музыканты в половине шестого утра не вскакивают с постели. Мы с тобой венчались – недели не прошло. Я могу просто побыть день с женой? Что там срочного? Война? Конец света?

– Мы два месяца с тобой, вечером ты вернешься, и так будет всегда. Собирайся скорее и поезжай, я не скажу тебе ни слова за весь день, если ты не поедешь.

– Они всегда правы, а я не прав.

– Сейчас ты не прав, и ты бы не злился, если бы сам этого не понимал.

– Змея-Агнес тебе мозги заморочила, она сама прожила всю жизнь в мечтах о своем генерале, видеть-то его начала совсем недавно – и то изредка.

– Неужели ты не чувствуешь, как ты несправедлив к ним?

Вебер оделся, вышел из дома, на лестнице он остановился, подумав, что зря он так заговорил с женой. Как он посмел не проститься? Надо было вернуться, сказать ей, как он ее любит и как для него невыносимо не видеть ее целый день, но все в нем было оскорблено ее потворством им, он не вернулся, сел за руль, подъехал к Корпусу, когда уже шла разминка. На плацу никого, кроме Аланда, не было, все на озере, Аланд определенно дождался его.

Вебер смотрел в сторону, на душе было тяжело, он чувствовал, что должен вернуться, успокоить жену.

– Господин генерал, я вернусь домой, я должен извиниться перед ней, не знаю, что на меня нашло, я хотел остаться с ней, я не мог уйти, но она не позволила.

– Хорошо, что у тебя умная жена, – после долгой паузы ответил Аланд. – Итак, ты не офицер, это не военный Корпус, ты не обязан вскакивать в половине шестого утра, что еще ты открыл для себя сегодня утром? Что можно с утра надерзить жене, уйти, не попрощавшись, ты не благодарен своей женщине за то, что она ночь напролет всем жаром своей любви говорила тебе о том, как ты ей дорог? Ехать домой теперь я тебе не разрешаю. Я никогда не позволял себе в таком тоне заговорить со своей женой, а мы вместе уже много лет. И то, что ты сказал утром о моей жене, мне тоже очень неприятно.

– Почему ваша жена объясняет моей, как нам жить? Я понимаю, что сказал несправедливость. Я поеду домой.

– Лучше от этого уже не будет, вместо того, чтобы оградить свою женщину от беспокойства, ты заставил ее переживать. Хочешь уйти – уходи совсем.

Вебер повернулся, чтобы идти к воротам.

– На всякий случай, учти, Вебер, хоть ты и уверен, что у нас семейная кухня и здесь только самодур-отец утоляет свои амбиции на великовозрастных сыновьях, но в военном ведомстве мы официальная структура. Пока ты числишься здесь, ты никуда не устроишься.

Аланд пошел к себе, Вебер постоял еще, понимая, что в его интересах уйти до того, как вернутся остальные, он поспешил за Аландом. Аланд молча положил на стол документы, деньги, но на Вебера не смотрел.

Вебер вышел в коридор и снова замер. Как утром дома на лестнице, его уже невыносимо тянуло вернуться, он понимал, что каждый новый его шаг нелепее предыдущего, но и остановиться он не мог. Если бы Аланд хоть слово сказал, а он молчал, не смотрел даже в сторону Вебера. Вебер смотрел в раскрытую дверь, Аланд стоял у окна.

– Что-то еще? – спросил он, не обернувшись.

– Можно я возьму машину? Я верну ее, как только улажу дела, так будет быстрее...

– Быстрее у тебя не получится, день такой у тебя, Вебер, ты не прав, а потому ничего не получится, за что бы ты ни взялся.

– Машина все равно будет стоять без дела.

– Много чего на свете стоит без дела, и ты тоже стоишь без дела. Иди, останавливать не буду, как бы ты этого ни хотел, то, что ты делаешь глупость, ты понимаешь сам. Желаю успеха в нелегком деле. День будет неудачным не потому, что я тебе этого желаю, у меня нет привычки желать кому-то зла. Это только ты направо и налево даришь такие пожелания и удивляешься, что они все к тебе возвращаются бумерангом. Может, тебе хватит собственных пожеланий и пора остановиться?

– Господин генерал, я хочу сам строить свою семью. Я имею на это право.

– Пока ты не строишь, а разрушаешь ее, твои глупости на начальных шагах прорастут потом там, где ты и ждать не будешь. У Вильгельма все хорошо, я рад за него. Ты почувствовал утром, что не можешь уйти из дома? Тогда почему ты не разобрался внимательно в своем чувстве, а пошел поспать проклятьями все, что тебе на самом деле дорого? Почему ты проснулся и не спросил свою жену, все ли у нее хорошо? Ты оставил ее предположительно на день, и ты ни о чем не побеспокоился. Беременность не болезнь, но твоя жена впервые переживает это состояние, и ты обязан с ней делить ее тревоги, сомнения, не говорю о том, что ты обязан всегда знать о ее самочувствии.

– Она не жаловалась.

– Ты знаешь, как женщина должна доверять мужчине, чтобы она на это пожаловалась? У тебя не было потребности узнать, все ли у нее хорошо, ты ни о чем не спросил ее, не поспешил приготовить ей завтрак, ты улыбался, любуясь на ее сон, но как только она открыла глаза, она увидела твой оскал. Как ты посмел срывать на беременную жену? Ты и ребенку сегодня создал проблемы. Когда у твоей жены сжимается сердце, оно замирает и в твоём ребенке. Неужели эти азбучные истины я должен тебе объяснять? Когда она улыбается и с восторгом смотрит на тебя – на тебя с восторгом смотрит и твой сын. Пойми, что ты портишь и отношения с сыном, а не только с женой. Иди куда шел, Вебер, делай свои бессмысленные дела и разбей себе лоб о свою суету. Твое упрямство, Вебер, и твое желание непонятно кому и что доказать ведут тебя прямой дорогой к новому тупику, остановись и подумай, прежде чем что-то предпринимать.

Вебер зашел в свою комнату, он уговаривал себя, что он устроится и всем докажет, что он способен решать свои проблемы сам, с него хватит, в конце концов, выгнали Абея – уходит и он. Говорил себе это – и сам в это не верил. Стрелка на часах перемещалась неумолимо, он пошел к воротам – и налетел на Карла с Гейнцем.

– О, фенрих! Ты проспал? Бывает, пошли к Аланду каяться. Если что, мы прикроем, – встретил его открытой улыбкой Гейнец. Карл подал руку, а вот Коха не было.

– Вильгельм тоже проспал? – с надеждой спросил Вебер.

– Нет, он куда-то с озера срочно умчался. Наверное, Аланд ему телеграмму прислал. А ты что с вещами, куда собрался?

– Домой.

– Без машины?

– Аланд не разрешил.

– Домой или машину?

– Он ничего не разрешил.

– В чем дело? – молчавший какое-то время Гейнц отстранил Карла и подошел к Веберу очень близко, заглядывая в глаза, как Вебер ни вертел головой.

– Мордой не верти, отвечай по-человечески, за опоздание Аланд бы тебя не выгнал. У тебя опять кризис? Может, тебе опять в морду дать? Как ни странно, тебе это помогает.

– Гейнц, я пошел к жене. И все.

– Что всё, Вебер?

– Аланд меня отпустил.

– Да?

– Да. Я могу идти куда угодно, хоть к чертовой матери.

– Ну, к ней и пойдешь, всем это уже начинает надоедать. Мне – точно надоело. Пошли, Карл. Ну его, хоть к самому дьяволу, а возни-то с этим дерьмом было... Не подходи ко мне больше, Вебер. Я тебя знать не знаю.

Гейнц, с досадой морщась, прошел в ворота, Карл задел Вебера плечом, обходить не стал, словно Вебер стал для него прозрачен и незаметен, Веберу не сказал ничего.

– Руки помыть, – сказал он Гейнцу, – а то я еще с этим дерьмом за руку поздоровался...

В общем-то, ничего другого Вебер и не ожидал от этой встречи.

Вебер был настроен, прежде чем вернуться домой, поехать к Гаусгофферу. Что-то подсказывало ему, что попытка пристроиться там сегодня увенчается если не успехом, то даст надежду. Потом он пойдет просить прощения у Анечки. Главное, успокоиться. Пусть это был неправильный шаг, пусть он пошел на поводу у эмоций, надо спокойно выходить из штопора. Он позволял себе думать только о вчерашнем счастливом вечере вдвоем. Он прирос к жене, он не мог от нее уйти, – в этом не было ничего разумного, необходимого. И виной всему, как ни крути, Аланд с его занудными правилами. Что с того, что приехал бы он послезавтра, через неделю. Коха он не заставлял ездить в Корпус каждый день, он ни с кем не ведет себя так деспотично, как с Вебером. Пора ему доказать, что он, Вебер, сам через полгода будет отцом, что он способен отвечать за свою семью.

Страшно зависеть от всего: от воли Гаусгоффера, от Аланда, поэтому и надо настраиваться на другое существование.

Ни одной машины остановить ему не удалось, так и пришел пешком уже к десяти, но Гаусгоффера не оказалось, он полдня пропал в военном ведомстве. Вебер пошел к Клеменсу, но ничего, кроме полуофициальной улыбки и пары ничего не значащих приветственных реплик, от него не услышал. Он пытался убедить Клеменса, что никаких приступов давно нет, что все это в прошлом. Клеменс даже послушал его сердце, пожал плечами и сказал, что и тогда Вебер производил впечатление вполне здорового человека.

Гаусгоффер вернулся, принял Вебера не сразу, пропустив перед ним человек семь своих офицеров. На Вебера посмотрел мрачновато, выслушал молча, не перебивая, не задавая вопросов. Сказал, что у него полностью укомплектован штат, да и пока заключение комиссии не изменено, речи о том, что Вебер вернется быть не может.

– Я поговорю с Аландом – почему ты уходишь от него?

– Я женился. Мне надо теперь самому...

Вебер никогда не чувствовал такой никчемности, никогда ее так настойчиво ему не подчеркивало все на свете.

– Женился – хорошо, знаю, что и Кох женился, и Аланд, слава Богу, сколько я его знаю, женат. Дело не в этом, Вебер. Ты что-то не договариваешь, а я этого не люблю. Иди вон, я послушаю, что Аланд скажет. Завтра в девять позвони мне, я дам окончательный ответ.

По пути домой Веберу удалось взять такси, купил цветов, всю дорогу подбирал слова, она не могла его не простить, никогда в жизни он больше не посмеет заговорить с ней в раздраженном тоне.

Вошел в квартиру, открыв дверь своим ключом, на звонок никто не отозвался. Обошел комнаты, ее не было. Он прикидывал в уме, куда она могла пойти, потянулись бесконечные часы ожидания. Позвонил Агнес – никто не ответил. Позвонил Анне-Марии – та ответила, что к ним Аня не приезжала.

Вебер смотрел на часы – семь вечера, жены нет, позвонил Аланду.

– Господин генерал, где моя жена?

– Спроси у себя.

– Я не знаю, а вы знаете.

– То, что я знаю, это мое дело, Вебер. Знай и ты, говорить я с тобой буду только в Корпусе, когда ты набегаяешься.

– Господин генерал, вы не можете так поступить...

– Не мечись, Вебер. Гаусгоффер мне звонил, я сказал, что не возражаю, чтобы ты переводился, можешь с утра к нему поехать, справки об освидетельствовании я ему к утру перешлю. Ты вполне здоров, заключения комиссии я тебе сделал, раз ты считаешь, что это тебе нужно, пожалуйста, я ни в чем не ограничиваю твой выбор.

– Где моя жена? Вы понимаете, что мне ничего не нужно без нее?

– Я тебе объяснил, что разговаривать с тобой о твоей жене я буду, только когда ты вернешься в Корпус, и не звони мне больше, я не отвечу.

Вебер взял такси, доехал до Анны-Марии, почти сразу приехал Кох. То, как он вошел в свой дом, как встречала его жена, как он спокойно и уютно расположился за столом, собираясь ужинать, поразило Вебера. Он смотрел, как зачарованный, и не мог отойти. Кох жестом предложил присоединиться к ужину, но Вебер и с места сдвинуться не мог. Кох не пытался заговорить с ним, Анна-Мария сразу сказала, что к ним Аня не приезжала и не звонила. Если бы Кох не смотрел так на свою жену, не преобразился так по-домашнему в считанные мгновения, Вебер бы давно ушел. Он видел то, о чем так мечтал, и что рассыпалось у него в руках.

Вебер дошел до дома Агнес, света не было, поднялся, долго звонил в дверь, долго сидел на лестнице. В третьем часу пришел домой и опять не застал никого. До рассвета просидел на кухне за столом.

Девять утра. Надо звонить Гаусгофферу, только Гаусгоффер теперь ему не нужен. Приехал Кох, ничего не говоря, сложил вещи Анечки в чемоданы, Вебер преградил ему выход.

– Где она, Кох? Я прошу тебя, не делай этого, если ты сейчас попытаешься это сделать, я не знаю, что я с тобой или с собой сделаю, мне терять нечего.

– Тебе есть что терять, твоя жена ждет ребенка, и она ждет тебя.

– Где она, Кох?

– Аланд тебе все сказал.

– Ничего он мне не сказал! Агнес тоже нет, она увезла куда-то мою жену? Я поеду с тобой. Я понимаю, что ты меня можешь отшвырнуть, как щенка, но, пожалуйста, Кох...

– Почему Гаусгофферу не позвонил?

– Зачем? Мне нужно все это было только ради жены и сына, вы все у меня отобрали.

– Она попросила, я отвез ее по ее просьбе.

– Ты?! Когда? Ты ничего не говорил.

– Вчера утром, пока ты у Аланда гастрологи устраивал, я ее отвез. Она позвонила Аланду, ей стало плохо. Меня никто не просил сообщать тебе куда, потому я и не скажу. Если она попросит тебе сообщить, то я, разумеется, выполню ее просьбу, отойди, ей нужны ее вещи.

– Она не вернется?

– Я не спрашивал, надо было забрать ее – забрал, отвезти – отвез.

– Вильгельм, я, конечно, сказал ей какие-то глупости про Агнес, про Корпус, но я так не хотел от нее уходить. Скажи ей, что я не могу без нее. Что она делает со мной?

– Вебер, ты был отвратителен, когда ты перед ней от всего, что делало тебя тобой, отрекся. Дело не в обиде, она не обижалась на тебя, но ей пришлось искать помощи не у тебя.

– Что мне делать?

– Ты решил думать за себя сам – вот и думай. Аланд тебе все сказал.

Кох ушел.

– Ладно, – сказал Вебер вслух неизвестно кому.

Зазвонил телефон. Вебер подошел, снял трубку.

– Вебер, почему не позвонил и не приехал? – это был Гаусгоффер.

– Виноват, господин генерал, отпала необходимость.

– В чем она у тебя отпала?

– Господин генерал, извините, я вас больше не побеспокою своими просьбами.

– Вебер, мы не в куклы играем, чтобы через четверть часа был у меня. Это приказ.

– Я не приеду, господин генерал, у меня и машины нет.

– Прекрати! Чтобы стоял у меня через четверть часа, доберешься!

Вебер положил трубку и ногой сшиб телефон, который вновь зазвонил.

На все можно закрыть глаза, только почему она с ним так обошлась? Зачем он, в самом деле, ей нужен, дергаемый за сто ниток кукловодами. Зачем он ей, когда сами кукловоды так к ней благоволят? А вот эти двое приехали от Гаусгоффера. Им не дамся, выберусь на чердак и пройду через другой подъезд, меня нет. Мой сын, которого я так и не увижу здесь, может быть, пока он не родился, мне встретится там, может, он предпочтет остаться со мной, а не родиться на этом паршивом свете?

Вебер вышел через соседний подъезд, прошел в подворотню, попробовал притормозить хоть какую-то из проезжающих машин, но все тщетно.

Он пошел по тротуару, иногда оборачиваясь, чтобы не попасться офицерам Гаусгоффера. Не хотелось идти, скрываться, с ним случилось такое, чего он пережить не может. Он не прав, только он любви не предавал.

Оглянулся, его нагоняет машина, черное, сверкающее чудовище мчит на полном ходу, даже ни о чем не подумал, улыбнулся, сейчас поравняется – только ступить с тротуара. Он успокоился, за миг до гибели тело утратило свою волю.

Глава 61. Инцидент с концертным ботинком

Ничего привычнее, открываешь глаза: потолок в комнате Абея. Лежит Вебер почему-то у Абея на диване, ничего не болит, но в целом плохо. Абея нет, рядом Аланд и Агнес, глаза бы не видели эту ведьму и тебя, дорогой отец, тоже.

Поломался или нет? Не похоже, лежит даже в форме. Следы пыли оттого, что валялся на земле. Странно, машина летела на хорошей скорости, ступил, кажется, под колеса – не могла она свернуть или притормозить. Начинаются очередные приступы бессмертия.

Аланд и Агнес скрылись в соседней комнате, Агнес замазывает Аланду сплошную, яркую, во весь бок гематому. Дверь приоткрыта, Веберу в зеркало все видно. Где это Аланд так получил? Морщится даже, перед женой что бы не покрасоваться? Кто такой молодец? Руку бы ему поцеловал. Агнес даже стягивает ему грудь какой-то тряпкой – чтобы ребра не рассыпались? Кто же непобедимого Аланда так отделал?

Вебер пошевелил руками-ногами, все в порядке. Попробовал сесть – тошнит, хоть не шевелись, наверное, отбросило, он легкий.

Аланд вышел в застегнутом мундире, Агнес перетревоженная, заглядывает своему генералу в лицо.

– Ничего умнее не выдумал, Вебер? Тебе перед женой не стыдно? – говорит Аланд. Вид у него, в самом деле, невзрачный, говорит через силу. – Если это все, на что ты был способен, то незачем было жениться.

– Если бы вы не забрали мою жену...

– Если бы я ее не забрал, то сына бы у тебя уже не было. Тошнит? Это тебя от себя самого тошнит.

– Наверное, головой врезался в эту машину...

– Ты упал в обморок на тротуаре, в машину, как ты выразился, врезаться пришлось мне, чтобы у тебя было время хоть что-то понять.

Вебер поднял на Аланда глаза, Агнес отвернулась и вышла.

– Вебер, сколько можно? Этим ничего нельзя изменить, я тебе все сказал. Ты был должен вернуться сюда, если ты хотел узнать, где она.

– Отец, где она? Ты что... правда – вместо меня?..

– Ну, дорогой, мужем ее вместо тебя я быть никак не могу, и обмануть ее так, как ты, я тоже не могу, иначе воспитан.

– Где она?

– Хватит больного изображать, иди к жене, я сказал ей пока лежать. Не вздумай рассказать ей о своих подвигах, скажешь, что был занят по работе, сегодня вернулся. Понятно?

– Да.

Аланд вышел, Вебер слышал, что он что-то глухо говорит Агнес, утешает, наверное, и что она, явно сквозь слёзы, ему отвечает. Вебер, морщась, встал – на столе Абея лежал Анечкин платок. Вебер пошел по лабиринтам абелевских операционных и лабораторий. Это уже не лаборатории, не кабинеты, а уютные жилые комнаты. И в самой светлой, великолепно, с любовью, обставленной – Анечка.

Книги, фрукты, сок у постели на столике. Цветы в вазе на полу, на окне. Вебер стоял и смотрел на жену – она улыбается, она счастлива, что он вернулся.

– Тебя так долго не было... У меня очень заболел живот, когда ты ушел. Я позвонила Аланду, он прислал Вильгельма, меня забрали сюда, приехала Агнес. Аланд сказал, что пока нельзя вставать, что ты уехал, но сегодня вернешься... Я так ждала тебя, – она протянула к нему руки.

Он опустился на край постели и уткнулся в ее ладони. Чувствовал, как ее рука гладит его спину, но никуда не деться, он видит разлитую во весь бок гематому Аланда, его матовое лицо, плачущую, перепуганную Агнес – для того, чтобы он сейчас обнимал то, что есть в его жизни самое дорогое.

Анечка улыбается удивленно и чуть испуганно, пытается заглянуть ему в глаза, говорит шепотом что-то успокаивающее, он только крепче обнимает и жарче целует ее. Ему нечего сказать.

– Они ко мне так добры, они так любят тебя. Что с тобой?

Вебер поднялся и, пробормотав, что сейчас вернется, пошел к Аланду.

– Что ты хотел?

Вебер долго собирался с духом, с мыслями, Аланд отвернулся к окну, ждет. Дышит часто, видно, что он преодолевает себя, ему плохо, он в ужасном состоянии.

– Что ты хотел? – все-таки поторопил.

– Отец, я не думал, что так получится...

– Думать вообще пока не твоя профессия, принял внезапное решение – и ему суждено было проиграться. Когда ты начнешь думать о последствиях? Дай свою дурную голову, все нормально, иди в зал, продышись и отправляйся играть. Пока за рояль, вечером покажу орган, мы вчера с Гейнцем установили небольшой орган здесь, чтобы тебе никуда не мотаться. Кто чем, Вебер, вчера занимался, тебе бы не повредило поучаствовать, инструмент надо знать до мелочей.

– Отец, если бы ты мне сказал...

– Я сказал, ты не услышал. Нельзя так метаться, Вебер. Мужчина должен быть как столб, врытый в землю, и легче должно быть перевернуть мироздание, чем вывернуть тебя, только тогда на тебя можно опереться. Нет смысла метаться параллельно земной поверхности – везде одно и то же. Уходить можно либо вверх, либо вниз. Ты хотел извиниться перед моей женой...

Вебер оглянулся на Агнес, стоявшую тут же, подошел к ней.

– Фрау Агнес...

Но она смотрела только на напряженную спину Аланда.

– Не говори ничего, Рудольф, но не делай так. Ты думал, все пустяки, ничего особенного не случилось, дурное настроение, с кем не бывает? Ты едва не потерял сначала сына, потом отца. Не бывает пустяков, все имеет последствия.

– Простите меня, фрау Агнес. Я никогда больше так не поступлю.

– Иди, Вебер, я сказал, чем тебе заняться, – сказал Аланд.

Вебер пошел к дверям, борясь в себе с желанием упасть перед Аландом и Агнес на колени.

– Вот дурак-то, – едва за Вебером закрылась дверь, сказал Аланд. – Пойду, в самом деле, лягу. Вебер – и никогда. Не паникуй, сейчас мне плохо, но я не думал, что этот дурак метнется под колеса, он и сам об этом не знал. Потому я и получил больше, чем мог бы. Два часа пусть меня не тревожат, и я буду в полном порядке. Поезжай домой, пусть кто-нибудь из оболтусов тебя отвезет, приеду к ночи, буду в полном порядке. Я тебе обещаю.

– Аландо, я не поеду, побуду в Корпусе, теперь мне никто здесь не удивляется.

Она говорила и, придерживая Аланда за плечи, провожала его к постели, помогала снять мундир. Он сам удерживал ее руку, медленно вытягивая тело на постели.

– Агнес... Может, так и должно было быть? Здесь не так уютно, как дома, но ты ведь можешь, в самом деле, не уезжать... С Аней надо побыть, их с Вебером лучше держать перед глазами.

– Не разговаривай, чем тебе помочь?

– Я старый развалившийся башмак, Агнес, сам говорю тебе: уезжай, и не хочу, чтобы ты уезжала. Пора перестраивать Корпус, не надо никому никуда уходить, уезжать... Я попробую себя собрать, не сиди со мной, мне довольно знать, что ты рядом.

Глаза его сами закрывались, Агнес укрыла его и тихо вышла в соседнюю комнату. Она прислушалась к звукам в коридоре, Аланда никто не должен сейчас беспокоить. До чего же ей страшно было видеть его переломанные ребра, жуткую гематому в легких. Это так опасно. Вебер бы этого не перенес, этот глупый мальчишка погиб бы на месте. Это только ее Аландо мог такое принять на себя, пережить, мог идти с этим и разговаривать, как ни в чем не бывало. Смог Вебера на руках отнести в машину с его пустяковым обмороком, привезти его в Корпус... Только он может быть таким. И до чего было страшно за него, когда его лицо побелело смертью, он переборет ее.

Дверь на замок, Агнес села в кресло... Чем еще она может ему помочь?

Вебер дошел до лестницы, как дежавю, он понял, что он опять не простился с Анечкой, сказал, что ушел на минуту, а уходит надолго, он не объяснил, почему он ушел, развернулся и побежал к жене.

Он объяснял ей, что сказал ему делать Аланд, что он, конечно, все равно еще не раз забежит к ней, потому что она так рядом... Как хорошо, что она рядом... Это то, о чем он мечтал! Ей нужно лежать, он так умоляет ее только лежать. Если что-то ей нужно, он все сделает. Аня смотрела, как он возбужденно мечется по комнате, как захлеб говорит, как горят волнением его глаза, и прятала улыбку – он казался ей очень трогательным и смешным. А главное, что он забыл, что собирался срочно уходить, сидел рядом, гладил ее руку. Замолчал, но теперь он о чем-то взволнованно думал. Тени мыслей проносились по его лицу, он не мог ей чего-то сказать.

– Рудольф, тебе нужно идти, – напомнила Анечка.

– Тебе не скучно?

– Мне принесли такие чудесные книги, но я не могу даже начать их читать, потому что сюда все время кто-то приходит. Мне совершенно не удастся поскучать. Если не Аланд, то Агнес, если не они, то сто раз прибежит Гейнц, он всё время что-то приносит – то цветы, то фрукты, то вспомнит, что мне нужны соки или вдруг я захотела сладостей... А если Гейнц пришел с Карлом, то у меня болит живот от смеха, потому что я не могу на них смеяться. Вильгельм приходил, сказал, что сегодня ко мне поболтать приедет Анна-Мария, с ней можно говорить бесконечно. Пожалуйста, не думай о том, что мне скучно, иди и делай все, что ты должен делать. Я подумала, вдруг Аланд привез меня сюда насовсем? Тогда ты не будешь по утрам скандалить, что тебе надо от меня уезжать. Ты будешь все время рядом, это было бы так хорошо... Иди, пожалуйста. Я поцелую тебя и иди. Сделай так, чтобы Аланд остался тобою доволен.

Вебер вышел на улицу, Гейнц с Карлом носили из машины коробки, пакеты с одеждой. Вебер узнал свой концертный костюм.

«Они перевозят вещи...»

Он стоял и сам не понимал, хорошо это или плохо. Гейнц с Карлом прошли – на Вебера не взглянули, между собой перекинулись парой фраз и расхохотались. Вернулись назад без коробок, прошли мимо, но вслед за ними появилась Агнес. Она дождалась, пока они с новой партией вещей вернулись от машины к крыльцу, сказала им, чтобы они не хохотали в коридоре и не мешали господину генералу отдыхать. Вебер так и стоял, растерянно созерцая происходящее. Агнес взглянула на него раз, другой, вытянула из коробки у Гейнца новый концертный ботинок и двинулась к Веберу.

Гейнц с Карлом остановились и с интересом провожали ее взглядами. Случилось то, чего Вебер никак не мог ожидать. Рука Агнес с зажатым в ней ботинком взметнулась над Вебером –

и на него посыпался град самых неистовых женских ударов. Вебер загораживал голову, удары приходились куда попало. На крыльце хохотали Карл и Гейнц, и подбадривали Агнес репликами: «Дайте, дайте ему, фрау Агнес! Еще, ради Бога, еще! И посильнее!»

– Как ты посмел?! Как ты посмел?! – совсем тихо твердила она, награждая его все новыми тумаками. – Ты дрянной, безмозглый мальчишка!

– Фрау Агнес... Фрау Агнес... я все понял...

– Ты ничего не понимаешь! Ты не понимаешь, что он из-за тебя едва не погиб! Ты ничего не способен понять!

– Фрау Агнес...

– Уходи – и делай то, что он тебе сказал.

Вебер недоверчиво выглянул из-под рук.

– Ему так плохо, фрау Агнес? – прошептал Вебер, увернулся, получил опять по спине ботинком, но машинально сумел его выхватить у Агнес из рук.

– И ты еще смеешь спрашивать об этом?!

Подошли Карл и Гейнц, потому слова Агнес к Веберу прекратились даже в виде шепота.

– Фрау Агнес, нет слов, – сказал Гейнц. – Я потрясен. Bravo, фрау Агнес! Просто bravo! Неужели мне фенриха лупить не придется? Мне так не хотелось. Его выбросить за забор или от господина генерала были другие распоряжения?

– Он знает, что ему делать, Гейнц, я буду у Ани, а вы завершайте с его переездом и займитесь своими делами. К фрау Анне не ходите, на территории Корпуса не шуметь.

– Да, фрау Агнес, – почти по форме ответил Клемперер. – Как жаль, что господин генерал столько лет скрывал вас, вы бы давно навели здесь порядок.

– Если увидите этого бездельника болтающимся по территории...

– Бить наотмашь, – продолжил Карл.

– Нет, Карл, вернуть к занятиям, с фрау Анной у нас врачебные манипуляции, никаких визитов, чтобы у корпуса Аланда не было ни души и во дворе – полная тишина.

– Да, фрау Агнес, мы поняли, как вы прикажете, так и будет. Фенрих, а ну исчезни отсюда, ботинок отдай – ишь вцепился!.. Пошел, куда тебя послали.

Вебер в зале стащил с себя китель, подошел к зеркалу, разглядывая яркие синяки по телу – рука у Агнес крепкая, и лупила она от души, похоже, что каблуком.

– Фенрих, я тебя не боевыми ранами любоваться отправил, Нарцисс недоделанный, – услышал он голос Аланда.

– Да, я иду, господин генерал, – ответил Вебер, вышел из комнаты, предназначенной для переодевания, и увидел с генеральским видом расхаживающего Клемперера.

– Черт, Карл, опять ты со своими шуточками! – отгрызнулся Вебер.

Гейнц тоже был тут, сидел хохотал на скамье.

– Сейчас еще и мы тебе добавим, раз уж у тебя такой день сегодня, – сказал Клемперер, не изменяя рассудительной аландовской интонации.

Веберу было все равно, как перемесили его внутри.

– Да что хотите делайте... Мало дала, – ответил он.

– Он раскаялся, пошли, Карл, пусть занимается. Вебер, потом у тебя фортепиано, я зайду послушать. Аланд сказал, чтобы ты быстро 21-й, 23-й, 24-й Моцарта восстановил. А вечером я с тобой еще посижу у органа, чтоб тебе жизнь раем не казалась.

Вебер вспомнил, посмотрел в смеющиеся глаза Гейнца.

– Так это правда, Гейнц?

– Про орган? Не думаю, что господину генералу хотелось сегодня с тобой пошутить. Фенрих, работать, как проклятому, и по своей воле даже не дышать.

– Гейнц, я такая скотина...

– Это не новость. Будешь своевольничать – окажешься в подвале, и надолго. Так что изобрази на лице максимум послушания, а в поступках осмысленной деятельности. Пока Аланд планирует, что ты через неделю играешь Моцарта в Школе Музыки. Причем с Ленцем, Вебер, то есть с оркестром. Давай, подзарядись как следует, потому что рассвет для тебя сегодня наступит не скоро.

– Гейнц... Это правда, с оркестром?

– Карл, пошли отсюда, а то он сейчас еще слово скажет, и я его точно отлуплю, так, что играть не сможет. К жене ни ногой, Вебер, слышал, что Агнес сказала?

– Да.

– Не знаю, что ты с Аландом сделал, но Агнес молодец, жаль, что он ее столько времени прятал. Она бы из тебя давно человека сделала – от одной любви к своему генералу. Ты, кроме женщин, все равно никого не признаешь.

Они ушли. Вебер, как на веревке, выволок себя на середину зала, сел для концентрации, словно готовился к поединку. Это и был поединок его растрепанной, несурзадной души, снаружи его собирало, сжимало, вгоняло в форму, а внутри все рвалось в разные стороны, Вебер всадил оба кулака в пол.

Почему-то увидел, как он в своем светлом концертном костюме, обувает сверкающий концертный ботинок, тот самый, которым сегодня вдруг получил от Агнес. Ему стало смешно, и в душу его хлынул завораживающий, ослепительный Моцарт. Тело, наконец, освободилось. Вебер встал в стойку для упражнений, несколько раз оглянулся на двери, ему все казалось, что Аланд здесь и внимательно смотрит на него.

– Я всё сделаю, отец, Моцарта сыграю. Я дурак... Не смотри на меня так, у меня ни руки, ни ноги не шевелятся. Мне стыдно, мне ужасно стыдно перед всеми вами, отец. Сделай что угодно со мной, я хочу быть таким, как вы.

Гейнц через час явился за ним, повёл в зал, Вебер отмалчивался, посматривал на окна Абеля, за которыми теперь было пристанище Анечки. Гейнц комментировал инцидент с ботинком, решительность Агнес, и допытывался, что же Вебер такого выдающегося совершил.

За роялем стало спокойнее, Гейнц отвлекся, для него существовал уже только Моцарт. Гейнц превратился в строгого учителя, посыпались его блестящие комментарии, Вебер внутри себя улыбался, чувствуя, как все больше музыка растворяет все нелепости, казусы и недоразумения сегодняшнего дня. Гейнц молча стал бродить рядом, выслушивая игру, то, что он молчал, означало только одно – музыка его поглотила. Когда Вебер снимал руки с клавиатуры, Гейнц подходил, что-то переигрывал вслед за Вебером на втором инструменте, и это было так хорошо, Вебер ловил каждую интонацию, каждый поворот музыкальной мысли Гейнца.

Гейнц первый увидел Аланда, спрыгнул со сцены, взлетел по лестнице, о чем-то с Аландом пару минут глухо переговаривался.

– Иди, Гейнц, займись своими делами, я сам послушаю, – это то, что Вебер услышал.

В присутствии Аланда заниматься Вебер спокойно никогда не мог. Кроме Гейнца (и как выяснилось, Абеля) в Корпусе мало кто мог похвастаться, что часто слышал игру Аланда, но то, что Вебер слышал, ставило для него Аланда на недостижимый пьедестал.

– Продолжай, – сказал он Веберу и сел на свое место в последнем ряду. Вебер играл, Аланд за всю игру не проронил ни слова. Вебер, так ни разу и не посмевающий взглянуть в глаза Аланду, на себе его взгляд чувствовал постоянно.

– Неплохо, – сказал Аланд, поднимаясь и направляясь к дверям. – К жене зайди, пообедай с ней, потом к Гейнцу на единоборства и за орган.

В спину Аланду Вебер смотрел во все глаза, то, что он шел медленно, сутулился, и голос его звучал как отраженный другим измерением – в этом был виноват Вебер. Не так безупречно Вебер сыграл сейчас, Аланд мог бы, и не без оснований, откомментировать все его ляпы, но

Вебер сам их остро при Аланде ощущал. Аланд ничего не сказал. Вебер их исправит, сегодня же, ночью, когда угодно, но завтра он их не допустит.

– Через пару дней попробуем сыграть с оркестром, думаю, тебе понравится, – Аланд оглянулся уже в дверях. – Не упрямясь, Вебер, играй, пока складывается. Потом и захочешь, а возможности может не быть. Забудь про Гаусгоффера, он от тебя отказался, чтобы поставить тебя на место. Только место твое совсем не то, о котором подумал Гаусгоффер: пусть он к тебе на концерты походит, мне это будет приятно. Хорошо?

– Да, господин генерал, – Вебер снова смотрел только в пол, и сердился на себя, что так откровенно краснеет.

– Агнес не сильно тебя? Ребра не сломала?

– Нет, пара синяков.

– Насчет пары сомневаюсь, – улыбнулся Аланд. – Извини, дорогой. Ни я от нее этого не ожидал, ни она от себя.

– Отец, что мне сделать, чтобы хоть как-то перед тобой оправдаться?

– Что передо мной оправдываться? У меня работа такая, Агнес сама расстроилась, думает, что теперь ее будут считать истеричкой.

– Она золотая, она великая женщина.

– Вот при случае ей это и скажи. Не сейчас, иди, обедай.

– Тебе все так же плохо, отец?

– Я в порядке, но из-за тебя я очень расстроен, Вебер, это была не просто глупость, я не понимаю, почему ты так поступил? Я звал тебя, ты не шёл. Сейчас ты играл – и это был Моцарт, настоящий, высокий, свободный Моцарт, погрешности ты легко уберешь. Чего тебе не хватает?

– Я думал, что ты так меня наказал, не отдашь ее, я испугался.

– Я никогда не наказывал вас, Вебер. Я пытался помочь вам исправить то, что вы по неопытности наворотили, а вы трусы все – как один, вас в светлые залы проводишь, а вы – трясетесь, как младенцы в темной комнате. Вебер, присмотришь к сияниям, что ты все пялишься во мрак?

Вебер неуверенно тронул руку Аланда, прислонился к нему.

– Прости меня, отец, я не хотел, чтобы ты...

– А что было б, если бы ты? Сходи, пообедай с женой, посмотри, как она тебя ждет, как она в тебя верит, подумай о том, на что она ради тебя пошла, а потом прокрути ситуацию на несколько часов назад и представь, что это был не я, а ты. Если даже я от такого удара остался весь физически переломан, при моей-то защите, то что бы осталось от тебя? Тебя бы размазало по мостовой. Это ведь предательство, сын, и предал ты не кого-нибудь, а ту, которая доверилась тебе. С чем бы ты ее оставил? Ты подумай об этом, когда она с восторгом будет смотреть на тебя, когда ты волей-неволей коснешься рукой ее живота, потому что ты должен поприветствовать сына. Ты понимаешь, что ты мог натворить? И ведь ты сам этого не хотел, разве можно настолько идти у эмоций на поводу? Побудь с ней, а я посижу помолчу рядом с моей отважной женой. Башмаком значит... Она не простила тебе мой старый башмак.

– Она отлупила меня новым концертным ботинком.

– Да. Она старый башмак на самый сверкающий новый не променяет. Это счастье, Вебер, когда женщина так тебя любит, это то, чего стоит заслужить в этом мире, попытайся.

– Отец, я хотел, чтоб в моей жизни было так, как у вас с фрау Агнес. Я ничем так не восхищался в тебе, как твоим домом.

– Во мне – моим домом? Вот тебе и ответ. Каков твой дом внутри тебя, таков он и будет в жизни. Сделай свой дом домом счастья. Жизнь нужно уважать, а не швырять ее от первой обиды под колеса, даже за мысли такие жизнь беспощадно наказывает.

– Я испугался, что ты разрушил мою семью.

– Твою семью и создать, и разрушить можешь только ты сам. Мои аргументы для твоей женщины – ничто перед твоими, или ты не умеешь ими пользоваться, – Аланд улыбнулся на Вебера. – Поработай до завтра над тем, что сам заметил, завтра послушаю.

– Тебе, правда, лучше?

– Не надо обо мне беспокоиться, у меня для этого есть жена, – последнюю фразу Аланд сказал театральным значительным шепотом. – Вебер, у меня фантастическая жена. Представь, что у тебя тоже, и так и будет.

– Отец, я никогда... правда, больше никогда... Почему я один все вечно делаю не так?..

– Ну, остальные были ненамного лучше, ты этого не застал. Вытворили – кто во что горазд!.. И надо думать, что еще не конец.

– Что они могли вытворить?..

– Рудольф, я не буду расписывать, как добродетельный Вильгельм пьяный шестнадцатилетним въезжал на моем ролс-ройсе в закрытые ворота Корпуса...

Вебер осторожно улыбнулся.

– Правда?

– Правда, и из Корпуса уходили, и стрелялись, и меня вызывали – все как полагается. Но подумай сейчас не об этом, вспомни твою основную работу, ты стал всё забывать. Я не хочу омрачать твоего счастья, но времени может потом не хватить, и ты себе этого не простишь. А я не прошу себе того, что ты не смог себя простить. Взрослей, сын, нет у тебя времени дураком походить, музыка-музыкой, а работа работой.

– Я зайду к тебе после органа?

– Я сам зайду, Агнес будет спать, она переволновалась. Найдем, где посидеть. Орган установлен в бункерной части.

– В подвале?

– Да, тебе там заниматься будет удобнее всего, почему – объясню. Настройся на то, что в ближайшее время я предложу тебе интенсивную, длительную медитацию, ты должен это пройти.

– Ты считаешь, что я готов?

– Ты готов, но сначала немного успокойся, я поработаю с тобой.

– Отец, ты позволил моей жене остаться со мной в Корпусе?

– Попытаемся и посмотрим, что будет, и моя жена предпочла сегодня остаться здесь.

– Это так хорошо, Ане нужна рядом мудрая женщина.

– Вебер, они делают свою работу, сама природа через них ее делает. Нам всем бы хотелось, чтобы они всегда были рядом с нами, но наше дело не около них сидеть, а их защитить. Ты всё вспомнил?

– Да, я так рад, что они здесь, я не мог об этом даже мечтать...

– Не надо мечтать о том, что существует в твоей жизни и так. Помечтай о том, как ты спасешь свою жену, сумеешь отвести беду от тех, кто тебе дорог. Пойдём? Старый да новый башмак, старый да молодой дурак, пойдём к нашим покинутым женам.

– Отец, как я тебя люблю.

– Только помни об этом всегда, особенно, когда ты вдруг видишь во мне врага, и завидуй себе почаще. Говори себе постоянно: у меня есть любовь, у меня есть талант, у меня есть друзья, у меня есть семья, и Господь поручил мне всё это прикрыть собой, значит, Он доверяет мне. Неужели ты думаешь, что за все это ты дорого заплатил? Все твои испытания – всего-навсего Школа, чтобы ты в нужный момент сумел выдержать все. Говори себе это утром, когда встаешь, ночью, когда отходишь ко сну, помни, что ты счастливейший из людей.

Вебер улыбался ожившему взгляду Аланда и им любовался.

– И еще – у меня есть такой отец, – добавил Вебер.

Аланд пошел к себе, Вебер в комнаты Абея – теперь его комнаты, и, невольно улыбаясь, думал про себя: до чего же у него все хорошо!

Глава 62. Доменико Скарлатти

Если не считать заботливых рассуждений Карла Клемперера о том, способен ли Вебер после чудовищного избиения заниматься в классе единоборств, больше об инциденте с Агнес никто не вспоминал.

Орган, размещенный в подвале, в котором Вебер раньше не бывал, расположен был в комнате с превосходной акустикой. Небольшой, самые крупные трубы не более трех метров. Весь вечер Вебер с Гейнцем проползали вокруг инструмента, завершая монтаж, Аланд заходил, смотрел на то, как они, обо всем позабыв, доводили до ума инструмент, заходил один, с Агнес. Первым сел поиграть, усадив жену в кресло, потом к полному потрясению Вебера привел Анечку, разрешив ей встать, объявил, что все в полном порядке.

Работой Аланд завалил Вебера беспощадно. То, что Анечка и Агнес постоянно находились в Корпусе, успокаивало Вебера, он испытывал невероятный подъем сил.

Вид оркестра напугал его только в первую минуту. То, что рядом были Аланд и Гейнец, придавало уверенности, но полностью Вебер успокоился только за инструментом. Игра с оркестром оказалась еще одним из неизвестных раньше блаженств. Концерты он отыграл легко, даже вечно споривший с Аландом Ленц, который первоначально отнесся к Веберу скептически, остался доволен, и три подряд сыгранных концерта заставили Ленца изменить отношение к Веберу, они расстались друзьями.

Вебер хотел играть еще и еще, и был уверен, что Аланд немедленно известит его о новых выступлениях, но Аланд после третьего концерта отвел Вебера к себе, усадил его перед собой и заговорил совсем не о том, о чем думал Вебер.

– Мне всего-навсего нужно было, чтобы ты понял: музыка приносит тебе больше удовлетворения, чем преподавание математики, так? У тебя будет возможность заниматься концертничеством, это вопрос решенный, сейчас поговорим о другом. Поговорим о той работе, которую ни при каких обстоятельствах мы прерывать не должны, надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

Вебер и сам часто думал о том, что медитация фактически сошла на нет. Нет Абея, никто не дублирует работу Вебера, и, следовательно, она остановилась, чего быть не должно.

– Не думай об этом: ни я, ни Кох, ни Фердинанд не прекращали работы. Твою работу делали все это время, и тем не менее, ты должен вернуться к ней.

– Я понимаю, что я не уделяю ей достаточно времени...

– Для этой работы его всегда недостаточно, пора возвращаться к делу и учиться совмещать жизнь внешнюю с работой на внутренних планах. Я попрошу тебя сосредоточиться и увидеть еще раз те картины, которые когда-то продемонстрировали тебе. Изменилось ли хоть что-нибудь? Пожалуйста, оставайся спокоен, что бы ты ни увидел, это просто твоя работа, эмоции сильно мешают. Просмотри все картины, сличая как аналитик то, что ты видел прежде с тем, что увидишь сейчас. Посмотрим, имела ли твоя без конца прерываемая работа хоть какой-нибудь результат или она не результативна. Общение со мной сейчас не нарушит твоей концентрации.

– ...Я вовсе не вижу Николая... Ни живым, ни мертвым... Не вижу их дома.

– Да, Николай выведен из круга твоих беспокойств, он проживет долго и счастливо, дом их как место событий тоже больше не фигурирует, для нас его больше не существует.

– Но... с Аней... все то же самое?.. Она убита...

– То же самое? Ты уверен?

– Ран намного меньше, но она мертва...

– Ран меньше.

– Карл – все равно рассыпающийся в небе самолет...

- Дальше.
- Он страшно избит – на полу. Это камера...
- То есть самолет-самолетом, но Карл жив?..
- Не уверен, что ему от этого легче.
- Это не твое дело, речь идет о запасе жизненной энергии, дальше.
- Гейнц... Рука. Разбитая скрипка... Машина и взрыв. Столп огня до неба...
- Дальше.
- Кох... Не понимаю... Анна-Мария, отец Адриан, отец Карла... Очевидная гибель... Фердинанда не вижу. Вы... господин генерал... Что это такое?..
- Что это такое? – передразнил Аланд.
- Это невозможно... Ваш китель, как решето...
- И я лежу в гробу, сложив чинно руки крестом?
- Нет, вы идете, этого не может быть. Я пересчитать не могу ваших ран.
- Я тебе говорил, что математика – это не твое. Дальше.
- Не могу понять... Еще какой-то человек – я не знаю его...
- Узнаешь.
- Но с вами – с вами не может такого случиться.
- Почему? Я пришел завершить дела, передать их вам, скажи о себе.
- Похоже, что в сердце, но мой сын совсем маленький... Храм? Орган... Меня скоро убьют?
- Не хочется, правда? И сын твой тоже вовсе этого не хочет.
- Фердинанд рядом, он вернется? Что делать?
- Я просил тебя обойтись без эмоций, это эскизы, у тебя есть время над ними серьезно поработать.
- Отец, ты сказал, что я могу приступить к интенсивной медитации.
- Мне было нужно, чтобы ты сам этого захотел.
- Я готов, хоть сейчас...
- Сейчас ты пойдешь к жене, ничего не объясняй, скажи, что ты уезжаешь, я неумолим, и что она остается здесь на нашем попечении. Ты меня понял? Сегодня дай ей порадоваться твоему успеху.
- Если она спросит – куда?
- Мало ли кто что спросит, ты офицер секретного Корпуса, пусть тебя спросит сам Господь – промолчи. Если он Господь, он и сам знает, а остальным говорить ты не имеешь права. Утром выполнишь разминку, в девять придешь ко мне, я все объясню подробно и провожу тебя. Первое время я буду с тобой, потому что могут возникнуть трудности. Сегодня постарайся провести вечер, как счастливый человек, ты уходишь изменить то, что готово помешать тебе и тем, кого ты любишь, оставаться счастливыми.
- Да, отец.
- О музыке не беспокойся, ничего не потеряешь, ты был на сцене выше всех похвал. Если ты сумеешь провести, хоть пару недель в непрекращающейся медитации, это будет куда больший успех, сын.
- Если мы сходим с Аней прогуляться?..
- Нужно, чтобы ей запомнился этот вечер, посвети время только ей, ночь ясная, луна близка к полнолунию, холода особого нет... Ей нужно очень близко запомнить твое лицо, все время твоего отсутствия она таким будет видеть его перед собой. Будь таким, каким ты хочешь, чтобы она тебя запомнила, хоть стихи ей читай, хоть целуйтесь до самозабвения, дышите небом – могучим звездным небом. Я сам ей сообщу, что ты завтра уедешь, понимаю, что тебе не хочется огорчать ее. Мне она пока все прощает, я ее фаворит, потому что я твой отец.
- Я как раз об этом подумал...

– И я как раз подумал о том, о чем ты подумал, – Аланд засмеялся, повел Вебера к дверям. Вебер подумал, что у Абеля все хорошо, раз Фердинанд непременно вернется.

– У Абеля все хорошо, – как эхо, отозвался Аланд.

Веберу пришлось со всеми проститься, как перед отъездом.

Орган, рояль, клавесин, необходимые в последнее время ноты – все было здесь, Аланд сказал, что первое время Вебер сможет снимать эмоциональное напряжение музицированием, но музыкальные упражнения не самоцель. Насчет двух недель сказано очень условно – как пойдет, может, две, а может, и больше, думать об этом не надо. Если он сумеет по-настоящему войти в работу, прерываться ему не захочется самому, за жену беспокоиться нет смысла.

Сейчас, пока Вебер не вошел в необходимое для работы состояние, Аланд будет приходить, иногда будет приходить Кох, Аланд больше следил за распорядком и работал с Вебером над медитацией, Кох проходил с ним сонату за сонатой, Вебер успокоился, может быть, потому что внутреннее зрение быстро вернулось к нему. Анечку он видел спокойной, окруженной заботой, видел ее счастливой, но чувствовал, что она тихо грустит о нем.

Кох и Аланд приходили все реже, работа над медитацией затягивала его. Все время он отдавал ей. За рояль он садился изредка, и сколько времени отделяло одно музицирование от другого, он уже не мог сказать. Часов не было, время текло по своим законам. Иногда он переигрывал десятки сонат за роялем, переводил их в клавесин. Не в силах справиться с томлением. Подходил к органу и, думая про Абеля и пытаясь к нему пробиться, садился за орган и проваливался в музыку на многие часы.

Абеля он не видел, понимал, что раз Аланд просил не тревожить своими мыслями Фердинанда, то так и следует делать, но совсем не думать о нем Вебер не мог. Он все больше играл на органе, улавливая при этом тонкое ощущение присутствия Фердинанда, и тоже, будто просто иначе, проваливался в медитацию.

Он слушал не музыку, что рождалась под его руками, он растворялся в мыслях вне слов, прощупывал космический вакуум, отделивший его вдруг от дорогих, самых дорогих, для него людей, и погружался в черную дыру, словно сердцем приблизился к краю сердечной воронки, что едва не поглотила Абеля. Этот человек сделал для счастья и жизни Вебера больше, чем может сделать один человек для другого. Черная дыра, вывернувшая жизнь Абеля наизнанку, поставившая его вне мира, вне общества даже самых преданных и любивших его людей, была личным врагом Вебера, и он сходил с этой ненасытной тьмой в поединке, с удовлетворением выходя из нее самим собой, то есть непобежденным.

Беспокойство о жене и сыне оставило Вебера, душа его всегда была при них – не чувствовать этого они не могли, покой в ее глазах был покоем его долгожданного Гостя. Он вместе с Анечкой – с Аландом, Карлом, Гейнцем путешествовал по театрам, сидел в опере, отдыхал у Аланда дома за спокойной беседой и хорошим ужином, гулял с ними у озера, замирал перед открытием занавеса, с удивлением озирая все лучшие залы Берлина, Потсдама. Вебер был благодарен своей семье, он не сумел бы превратить беременность жены в такой праздник, он бы суетился, ограждал её от всего, во всем видя опасность, сколько всего сын его не увидел бы, и не узнал тихого света ожидания, которым сам Вебер и Аня жили все это время.

Он уходил в медитацию все спокойнее и пребывал в ней все дольше, оставляя этот населенный дорогими людьми мир, дни сливались воедино, он не замечал, что неделями отсутствует здесь. И даже за инструментами, в момент соприкосновения с миром, состояние незыблемого покоя не оставляло его. Медитация видоизменялась, но не оставляла его полностью. В глубокой внутренней отрешенности, неизвестном прежде сосредоточении на внутренних картинах, он поднимался из-за органа (рояля, клавесина), бродил по комнатам, обнаруживал на столе горячий свежий чай, что-то из легкой пищи и понуждал себя немного поддержать тело, ставшее таким легким, настолько не мешающим его духовным упражнениям, что он с удивле-

нием смотрел на свою побелевшую, с полупрозрачным оттенком, и при этом сильную руку. Удивлялся, что эта рука разгоняет мощные волны звуков, задает точнейший, непоколебимый ритм, что эти пальцы умно и точно пробегают по мануалам. Он менялся, и это было просто, безболезненно, совершенно естественно – такой внутренней полноты он не испытывал никогда.

Ритмы и гармонии, по-настоящему великая и мощная музыка самого его уводили за пределы тела, его существо наполнялось тихим, ровным светом, и было одинаково приятно открыть глаза и закрыть их, свет по обе стороны встречал его, он был не одинаков, как две комнаты одного Дома – теневая и солнечная. После сияния и обжигающего экстаза одного мира тянуло в тень и прохладу другого. Ему не хотелось выйти на улицу, узнать, какой день, все равно. И, наконец, он покинул тело надолго.

Из медитации его вывел Аланд, в теле та же легкость: свобода движения, легкость дыхания, ясность мысли и чистота внутреннего виденья.

– Рудольф, мы поедем сейчас в Школу музыки, сыграешь там с десяток сонат, нужно немного удивить корифеев.

– Чем?

– Ты поймешь чем, когда сядешь в зале перед аудиторией за инструмент.

– Мне не следует разыграться?

– Ни в коем случае, нужно, чтобы первый звук, который ты извлечешь после двух месяцев твоего отсутствия, ты извлек при них. Это совсем другой будет звук, и это то, что им следует отождествить с твоей игрой.

– Двух месяцев?

– Два месяца – это была непрерывная медитация, когда ты последний раз покинул тело. До этого был почти месяц смешанной работы, пока ты готовил тело к длительному переходу.

– Что за день сегодня?

– Сегодня твой день, Рудольф, жена твоя в полном порядке, ждет тебя, вы поедете вместе. Сейчас ты вернешься из отъезда – и пара часов у тебя есть до выступления, чтобы со всеми пообщаться.

– Что я буду отвечать?

– О поездке ничего, это не обсуждается, а радоваться вы будете друг другу искренне.

– Я не заметил, что прошло столько времени.

– Так и бывает, я доволен тобой, ты много сделал. Сам ты не вполне можешь это оценить, потому что для тебя твое состояние естественно, ты перешел в него без потрясений, мягко, предоставь оценить перемену в тебе другим. Это первый шаг, ты пойдешь дальше. Но ты поймешь, что даже первый шаг твой стал серьезной переменной, ты не тот Рудольф Вебер, который спустился сюда в ноябре. Переоденься, твой портфель так и не разобран, появишься, пока никого в Корпусе, кроме женщин, не будет, но они увидят тебя, только когда ты поднимешься на второй этаж.

– Где все?

– Зачем ты спрашиваешь?

– Да, я вижу, они на стрельбище.

– Именно, ты играешь сегодня только тем, от кого зависят твои дальнейшие выступления, в одиннадцать мы должны там быть, поторопись.

– Я приду к жене после трех месяцев отсутствия без цветов? – улыбнулся Вебер.

– Я об этом подумал.

У Вебера защемило сердце при виде изменившейся фигуры жены. Она долго смотрела ему в лицо, и зацеловала его лицо с таким жаром. Он обнимал ее и понимал, что никогда не испытывал в жизни такой любви к ней, и вообще никогда не испытывал это чувство с такой

силой. Он ничего не мог ей сказать, ни единого слова, все слова были пустяком перед тем, что он чувствовал, и она чувствовала вместе с ним, молчала и она.

Он боялся вопросов? Не было и не могло быть вопросов, глаза говорили обо всем, блаженство обволакивало их обоих, и про цветы забыли. Агнес, пришедшая часа через два с легким завтраком и напоминанием, что «пора», поставила цветы в вазу.

Сборы вернули их к жизни, захлопали двери, зазвучали голоса Гейнца, Карла. Вебера трясло, обнимали, приветствовали, Аланд всех отправил к машинам, пора было ехать.

Вебер в машине уточнил, что он, собственно, играет. Аланд перечислил номера сонат – да, это все в руках, в голове, никуда не делось, Вебер не думал о том, что ему предстоит. Он смотрел и смотрел в глаза жене, целовал ее руку и не мог ее отпустить. Он читал на ее лице тот же, как в первый миг встречи, вопрос, она узнавала и не узнавала Вебера. Она приникла к нему, пыталась укрыться в нем, и это было высшей наградой.

Аланд о чем-то переговорил с людьми, что их ожидали, десятка два мэтров, и Ленц тоже здесь. Свои все расселись в конце небольшого, мест на восемьдесят, зала-аудитории. Клавесин стоял свой.

Ничего не объявлялось. Он сел к инструменту, искал в себе настрой, который был связан с тем, что ему сейчас предстояло сыграть.

Мешал дневной свет, не яркостью, а наоборот, каким-то полумраком, внутренний взор привык совсем к другому свету. Вебер прикрыл глаза, поймал свет более привычный, чтобы больше не напрягать лоб и не щурить глаза. Руки готовы были «изложить» то, что стояло для него за сонатой, и он чувствовал, как эта соната перетечет в следующую, это будет странствие в его духовных мирах, которое здесь лишь слегка отзвучит, как отразится.

Он играл, все больше впуская в себя привычных небес, душа его расширилась до немислимых размеров, сердце его не вмещало той любви, что он вкладывал в музыку.

Он увидел в ореоле сияний лицо Доменико Скарлатти, словно когда-то он знал этого человека, он доигрывал последнюю из заявленных сонат, когда увидел и следующий переход – это была музыка, которой он не только не играл, но и не слышал, и словно из глаз светящегося лика мэтра Скарлатти эта музыка переливалась в него. Он сделал совсем незначительную паузу и до того, как зал шелохнулся, ушел в новую музыку. Доиграл, прищурился – нужно открыть глаза. Встал, сошел со сцены, сразу к жене, скорее забрал ее – и в коридор, подальше от чужих глаз, он не хотел, чтобы чужие люди смотрели на его жену в ее беззащитном, прекрасном положении.

– Господин Вебер, оставайтесь, – сказал кто-то из корифеев, небольшая группа людей устроила ему, не стовариваясь, овацию.

Вебер оглянулся, но жену не выпустил из объятий.

– Я благодарю вас, мне нужно покинуть вас, господа, у меня – жена...

Он все-таки вышел с Анечкой, смотрел ей в глаза, склонялся к ней.

– Но как, Рудик, ты никогда еще так не играл...

– Я тебя люблю все сильнее, уйдем отсюда. Все решат без нас, меня все устроит.

– Но мы же приехали с Аландом...

В коридор вышли Карл, Гейнец. Вебер был вырван у жены из объятий, он покорился воодушевлению друзей, поднял руки – «сдаюсь».

– Но как, фенрих? Как? Что ты сыграл последнее? Импровизация в стиле Скарлатти?

– Не уверен, думаю, это какая-то из не дошедших до наших собраний его соната, Он мне он сам влил ее в мозги прямо на сцене.

– Ты ее повторишь?

– Сейчас? Возможно, хотя так настроиться я сейчас не смогу, ты лучше меня сейчас ее помнишь, Гейнец, не прибедняйся.

– Я-то помню... Приедем, запишу, и ты запиши. Я потрясён...

– Аланд надолго застрял? Отвезите нас в Корпус, не обещаю, что сразу сяду записывать Скарлатти, нам нужно домой.

– Не вопрос. Если ты больше тут не нужен, но надо бы Аланда спросить.

– Не надо. Я тебе так скажу, что не нужен.

– Вебер, за возвращение, и за такое чудо, что ты тут продемонстрировал... – сказал с намеком Клемперер.

– Нет, это при Аланде с Агнес, и когда Кох подъедет. Вечером посидим. Мне не надо никакого вина.

– Сейчас-то ты и так подшофе, это понятно, а к вечеру увидим.

Аланд с Агнес вышли почти сразу.

– Неплохо, Вебер, теперь везде поиграешь. Возвращаемся.

Жизнь вошла в новую колею, работа в Корпусе шла по неумолимому распорядку, Вебер играл концерт за концертом. Аланд гонял его по всей Германии в разные города, с Гейнцем и одного. В Корпусе много времени отнимала «закрытая» работа Вебера, Аланд контролировал его тренировки, связанные с физической подготовкой, но в медитацию Вебера почти не вмешивался.

Глава 63. Первое чудо Корпуса

Следующий концерт, на который Анечке удалось попасть, был 29 апреля в Берлине. Дальние разъезды Аланд ей не разрешал, держал ее под постоянной опекой Агнес. Теперь Аня видела заполненный до пределов огромный зал, и Вебера отстраненно выходящего на сцену. Не настойчивые аплодисменты и восторженные оценки, игра – сама его игра – ввергала ее в оцепенение. Этот человек, спокойно, внутри себя улыбающийся на сцене был ее муж. Перемена за семь месяцев в Вебере произошла разительная, ей трудно было вынести любое его отсутствие, стало совершенно необходимо, хоть несколько раз за день, окунуться в покой его глаз, нужно было, чтобы он вошел домой и без слов прислонил ее к себе, долго держал ее в кольце своих рук, отводя все тревоги.

Вебер сошел со сцены к ней, передал ей цветы, что ему надарили, пока он сходил со сцены, обнял ее плечи. Перед ними расступались, а он никого, кроме нее, не замечал.

– Не волнуйся так, пожалуйста, – шептал он ей. – Я тебя прошу, тебе нельзя волноваться. Не стоило ехать... Не знаю, зачем отец тебе разрешил...

Но Анечка также шепотом говорила, что она должна была всё это видеть, он не понимает, как она счастлива сейчас, и как ей нужно восхищение им.

Вебер уводил ее от посторонних глаз, за спиной его ограждали от желающих пробиться к нему его друзья. Он заметил, что ее рука сама ложится на живот, понял, что волнение расстроило ребенка.

– Тебе больно?

– Немного тянет.

Она и дышала не так, как всегда, глубже и чаще. Аланд быстро спустился с крыльца, кивнул Веберу с Аней на заднее сиденье, помог сесть Агнес и сел за руль.

– Не волнуйтесь, – сказал он. – Всё так, как должно быть.

– ...Он никогда так не играл, – шептала Аня.

– Отец, скорее, – глухим от волнения голосом просил Вебер.

Машина ехала по городу.

– Тебе плохо? – Вебер видел только меняющееся лицо жены, посматривал на Аланда, едущего аккуратно, но довольно скоро.

– Что-то не так, отец...

– Все так, как должно быть, – повторил Аланд, он смотрел на дорогу и спокойно улыбался.

Аланд и Агнес занимались в спальней приготовлениями, Вебер сидел с женой, он старался держать руки у нее на боках, на животе, а она забирала его руки в свои, прижимала к щекам, любовалась Вебером, смотря на него с такой доверчивостью, он волновался все сильнее. Силы свободным вихрем гуляли в нем, устремлялись к ней и оберегали её. Схватки, боль меняли ее лицо, в этом была какая-то высшая правда творения, когда содрогаются земля и небо, когда горы встают на дыбы, когда небеса подергиваются дымом и мглой, когда земля стонет и рушится потому, что вот-вот ярким горячим потоком из ее недр вырвется новая жизнь.

Аланд усадил Вебера у Анечки в головы, велел придерживать ее плечи, и обоим (и ей, и ему) правильно дышать. Сам он бродил у окна в углу комнаты, Агнес колдовала в ногах, прикрытых стерильными простынями. Анечка прятала лицо Веберу в грудь, где заходило его сердце. Она не кричала, иногда стонала и утыкалась в грудь Вебера сильнее, он сильнее обнимал ее, ловил ее взгляд, впитывал в себя ее боль, сбиваясь с дыхания и едва контролируя его.

Под тихие уговоры Агнес раздался первый крик ребенка. Анечка как обмякла, сама отстранила Вебера и легла головой в подушки. Веберу Агнес протягивала беспомощно размахивающее ручками и ножками крохотное, еще всё в крови, существо, которое всё помещалось в ладонях Вебера.

– Его нужно обмыть, Рудольф. Аландо...

Если бы не спокойные действия Агнес и Аланда, Вебер бы так и стоял с этим разбалансированным, заходящимся в крике, существом в руках.

– Ему страшно, заверни его, положи его матери на грудь, – звучал голос Агнес, заставляя Вебера повиноваться.

– Анечка, – Аланд улыбался, лицо его светилось незнакомой мягкой улыбкой – Вебер никогда не видел на его лице этого выражения. – Роскошный парень, Рудольф, не вздумай с ним в руках падать в обморок.

Вебер, словно его вышибло из тела, чувствовал не себя собой, он чувствовал то, что ощущал его сын, которого он держал в руках, чувствовал внезапно разверзнувшиеся бездны незнакомых пространств после замкнутого пространства, где он недавно еще находился. Чувствовал, что больше нет равновесия, нет опоры, нет ничего привычного, и восхищенно любовался паникой маленького человека, самого беззащитного, самого дорогого, до оторопи любимого, делающего свое самое большое открытие в жизни – открывающего новый мир. Вебер не мог выпустить сына из рук, прислонял к себе драгоценный сверток, целовал не прикрытый тканью голый лобик, височки, чуть покрытые нежным белесым пухом, слушая чуть утихающий и вновь набирающий силы крик, как наивысшую музыку творения.

– Я думала, что рожать так больно, – улыбалась Анечка. – Не так и больно, вполне терпимо...

Аланд вместо Вебера сидел у нее в изголовье, гладил ее лоб и волосы.

– Спасибо тебе, моя дорогая. Рудольф, дай мне внука, хватит на него задыхаться, дай нам с Анечкой взглянуть на него... Иди лучше поблагодари свою жену, отдай его мне. Что ты все шумишь? Напугался? Уже все хорошо. Наш, наш...

Лицо Аланда так и светилось, и Веберу вспомнилось, как он видел, сам видел, свечение глаз Аланда, когда тот впервые склонился над ним. Малыш притих, глазки щурились на свет – он тоже видит?

Вебер с удивлением видел совсем незнакомую улыбку жены, так, наверное, улыбаются Ангелы, завершившие нелегкую, угодную Богу работу.

В соседней комнате зазвучали приглушенные голоса: Карл, Гейнц, Кох, Анна-Мария, – все здесь. Аланд прищипнул на них, чтоб те не появлялись в этой комнате, что ребёнка им покажут потом.

– Да покажите же!

Гейнц через полминуты, путаясь в рукавах халата, благоухая мылом, был в комнате и протягивал руки к ребенку, бледный от волнения.

– ...Бог мой! Какой страшный! Вебер, только от тебя могло родиться такое чудовище! – воскликнул Гейнц. – Даже красота фрау Анны не спасла это красномордое, несчастное, орущее существо... Что, сам себя испугался? Что ж ты орешь так? Решил всё зараз выплакать?..

– Он не плачет... Он кричит, – ревниво ответил Вебер, пытаясь забрать сына у Гейнца. – Сам ты чудовище красномордое...

– Не ругайся при детях, Вебер. Если он еще кроме твоей внешности унаследует твои роскошные манеры – это будет кошмар, я не виноват, что на картинах младенцев рисуют совсем другими, я не был готов такое увидеть... Иди ко мне, мое маленькое страшилище... Я привыкну, ты не плачь, я тебя и таким любить буду, что поделаешь...

Анечка улыбалась, слушая серьезный монолог Гейнца и яростно-тихие возражения Вебера.

– Сам ты страшилище! Отдай...

– Иди к лешему, Вебер, это мой племянник. Не рыдай, моё маленькое лысое чудовище. Лысый – как Абель! Вот кому бы ты точно понравился, а Абелёчек-то свое счастье пропустил!.. Проворонил племянника...

– Говори тише, Гейнц... Что ты как труба иерихонская разорался?

– Да я шепотом говорю, Вебер, я ж не дурак.

– Все равно громко. Ему страшно...

– Ну, если он еще и такой же трус, как ты, я-то тут причем? Иди к жене, дай мне спокойно подержать моего ненаглядного уродца...

– Сам ты уродец.

Карл пытался заглянуть на малыша и так, и эдак, но Вебер с Гейнцем все укрывали от него лицо малыша.

– Дай его мне, Гейнц, – сказал тихо Карл. – Иди ко мне, мой красавец... Ну их всех, ничего они не понимают... Красота какая, хоть что-то, Вебер, у тебя хорошо вышло с первого раза...

Карл тоже улыбался незнакомо.

– Горластый, молодец, не будет, как папаша, бляеть. Да, мой золотой?

– Нет, но правда, вылитый Абель. В Корпусе еще один лысый... – Гейнц не закончил фразу под взглядом Аланда. – Да я что? Я говорю, что это первое чудо Корпуса. Анечка, ваш муж уже про вас позабыл, не слушайте – я его нарочно дразню. Вы ему теперь не нужны – он так и будет трястись над своим головастиком.

Гейнц вышел и вернулся с большой вазой роз, поставил их у постели и поцеловал Анечку в щеку, поцеловал ее руки.

– Идите в ту комнату, – сказала Агнес. – Все, кроме Рудольфа.

– Фрау Анна и маленькое лысое чудовище с нами? – оживился с готовностью Гейнц.

Анечка улыбалась, глядя на него, Гейнц волновался – и безнадежно пытался это скрыть. Кох с Анной-Марией стояли с Аландом в стороне у окна, но тоже пошли к дверям. Вебер видел взгляд Коха и на сына, и на себя самого, и в этом взгляде было столько любви, что слов не требовалось, и ему, им с Анной-Марией, Вебер был особенно благодарен. Он не мог отдышаться, не мог говорить, его разрывало между желанием не отпускать из рук сына, обнимать жену, он был в полном смятении. Рука Коха успокаивающе задержалась на плече Вебера, ничего не сказал, но Веберу стало легче – так промолчать умел только Кох.

Клемперер уходя, шепнул Веберу на ухо:

– Вебер, и мне такую же крохотную дочку, я ей буду бантики завязывать и научусь заплетать косички...

– Сам разберись, – бессильно улыбнулся Вебер.

– Да я бы рад, но... понимаешь...

Ребенка записали как Альберта Адлера, возражений Вебера никто не слушал.

– Вебер, в Корпусе все ходят под псевдонимами. Да и, согласись, Альберт Адлер звучит лучше, чем Альберт Вебер. Аня фамилию не меняла, твой сын, как все мы, записан по матери. Это в традиции Корпуса... – успокаивал Вебера Гейнц.

Вебер от сына не отходил, даже Аланд первое время не пытался на этом настаивать, тем более, что стоило Веберу отлучиться на какое-то время – Альберт начинал кряхтеть и раздражался плачем, и не успокаивался, пока Вебер не возвращался.

Через пару месяцев он охотно шел на руки ко всем. Вебер опять, проклиная все на свете, вернулся к концертам. Далеко и надолго Аланд его не отправлял. «Неадекватные отцовские чувства» Вебера стали еще одной темой для шуток Карла и Гейнца, но в шутках их было

больше восхищения и любования, они не были обидны. К тому же сами «дядья» постоянно искали повод помянуть племянника.

Год спустя, когда Альберт всеобщим фаворитом со всеми за руку вполне уверенно путешествовал по Корпусу и постоянно лепетал что-то на своем наречии, Аланд объявил о том, что Карл, Кох и он сам отправляются на Восток, что на территории Корпуса начнутся некоторые перестройки и потому здесь никто не останется. Анечка с Агнес и Анной-Марией отправятся на дачу, устроим им свой Вис-Баден, ребенок и женщины подышат хорошим воздухом и окрепнут, поживут там с полгода или год, как понравится, а Вебер с Гейнцем приступают к интенсивным гастролям и начинают, наконец, в полную мощь работать. Вопрос не обсуждается.

Вебер и сам понимал, что с рождением сына страдали не только его гастроли, но и работа над медитацией, понимал, что не имеет на это права и остановить себя сам не может, поэтому решение Аланда принял молча.

Аланд еще раз прогнал его по картинкам – и Вебер, не возражавший и так, все снова прочувствовал и приказал своему отчаянно по поводу расставания замереть.

– Позвольте мне остаться, я уйду в интенсивную медитацию, меня никто не увидит.

– Нет, Вебер, я оставляю тебя с Гейнцем, будете играть, медитацию и так никто не отменял. Работай, меня не будет, Карл, Кох уедут. Я тебе поручаю Гейнца, и его бы забрал, но скоро может не быть возможности играть – а вы должны отзвучать. Это все не так долго продлится – год или два. Если ты хочешь, чтобы твоя разлука с семьей не сделалась вечной, то стисни зубы и как-нибудь перебейся.

– Я понимаю, господин генерал.

– Тебе не надо объяснять, что непростые времена очень быстро приближаются. Работать надо, счастья тебе было отмерено на семерых, тебе не на что пожаловаться.

– Я не жалуясь. Я с вами согласен.

– График гастролей мы с каждым из вас обсудим – и с тобой, и с Гейнцем.

– Но если мы покинем Корпус, то где мы будем жить?

– У Гейнца есть, где жить, Анна-Мария уедет. У тебя тоже есть квартира.

– А орган?

– Я договорился в Храме, в ночные часы ты можешь музицировать.

– А медитация?..

– Не строй из себя младенца, я сказал, что ты должен сделать, а как – додумаешь сам...

Впереди настоящая война, тебе придется вспомнить, как и Гейнцу, что ты офицер. Офицерские мундиры вам опять придется на себя надеть.

– Хорошо, господин генерал. Этому я как раз рад.

– Нечему тут радоваться, Вебер.

– Я все сделаю, но как я могу контролировать Гейнца? Он опытнее меня, я для него не авторитет.

– Ты должен, как любой другой, суметь возглавить Корпус на случай, если со мной что-то случится.

– С тобой ничего не может случиться, отец.

– Это ты мне говоришь?

– Но есть Кох, где-то все равно есть Абель, и он вернется. Не говори так, пожалуйста.

– Я не звездную карьеру тебе предлагаю, сын, не будет ни карьеры, ни звезд, я говорю только о работе, которую, возможно, совсем скоро тебе придется принять на себя. Учись отвечать за всех.

– Но если даже тебя могут убить, может, лучше уехать, отец?

– Это крайняя мера, когда будет гореть под ногами земля и не будет другого способа остаться собой. Бежать с поля битвы до начала сражения... Вебер...

– Отец, но ты?..

– Да, Вебер. Все смертны. И это самое интересное. Стоит поблефовать твоим заброшенным бессмертием, сын, начни, наконец, работать. Что с тобой происходит? Нельзя так цепляться за семью, нельзя, как бы это ни было дорог, иначе ты быстро всего этого лишишься.

– Я понимаю, отец.

– Гейнц не сможет сам себя настроить на нужный лад, ему нужно видеть, что рядом работаешь ты. Ты сможешь себя заставить, а на него артистическая атмосфера влияет расслабляюще. Он может ощутить себя богемой, напрочь забросить медитацию, сбиться на безмозглое концертное музицирование – техники ему хватит, а вот его сердца – нет. Его сердце не вынесет фальши и пустоты.

– Ты же поговоришь с ним?

– Да, только с моим отъездом будет еще немало желающих с ним поговорить и загнать его в концертную кабалу, он начнет раздавать себя, не восполняя, и если ты его не удержишь, он надорвет сердце.

– Возьми его с собой.

– Я все сказал, ты понимаешь, что мощь, которой как музыкант он обладает не соотносима на данный момент ни с чьей другой. Вас всего двое останется здесь, вот и примерь генеральские погоны, за меня остаешься ты, а не Гейнц.

– Это не обидит его?

– Он об этом и знать не обязан, но ты должен знать, что ты за все здесь отвечаешь.

– Хорошо, отец.

– Я свяжу его немного преподаванием в Школе музыки, он тоже вернется к своему вопросу, будет читать Историю музыки и писать Путь Музыки, который и он забрасывает время от времени. Всем есть чем заняться.

– Я понял, отец.

– Сядь и еще раз просмотри свои картинки, до последнего атома в себе – все прочувствуй и пойми, и ты сумеешь что-то сделать.

– Отец, может, потом хотя бы женщинам уехать?

– Они нас не оставят, Вебер, в такой ситуации глупо расщеплять себя. Они останутся без защиты, потеряют опору, которую мы им собой обещали. И для нас это полезно, чтобы мы стояли на смерти. Какое-то время ты так будешь любить свою семью, Рудольф, так тоже нужно уметь ее любить.

– Отец, я не думал, что счастье настолько лишает сил.

– Не сил, а памяти о том, что все может быть и не так. Если ты разомлел, отпустил канат, если ты в сладкой неге разжал руки, ты все отпустил. Ты держишь лавину, а ты позабыл о ней, ты готов улечься на сверкающей траве твоего счастья, предаться любви, но отпущенной лавиной тебя и раздавит, и не только тебя.

– Я понимаю, отец.

– Я рад бы видеть на ваших лицах только блаженство, но придется научиться его находить в стиснутых от боли зубах. Оно и там есть, поверь мне, и оно еще выше, еще сильнее, если ты устоишь и сохранишь то, что тебе дано.

– Да, отец.

– Я рад, Рудольф, что ты меня, в самом деле, понял. Постарайся, как Кох, больше молчать, не идти у эмоций на поводу, не делать глупостей, помни об ответственности. Твоя жизнь тебе не принадлежит, думай о тех, кто внизу, в долине, над которой ты держишь защиту.

Вебер молча кивнул, поднялся и сел назад – Аланд рукой вернул его в кресло.

– Посиди один, почувствуй в себе глубокий покой – как стержень. Научись видеть все, даже свои эмоции, со стороны, как другой человек. Опираясь в себе можно только на этот отстраненный покой. Если он станет твоим дном, тебя ничто не собьет с пути, ты всегда сможешь в него уйти, привести себя в порядок и возвратиться к действию.

– Я и чувствую только покой, словно он меня заполнил изнутри...

– Запомни это состояние и почаще в него возвращайся, у тебя нет другой точки опоры. Тонущий не хватается за воду, он тянется к берегу, к ветке, что крепится на берегу. А тебе нужна внутренняя неподвижность, чтобы за нее удержаться. Ищи ее Вебер, без нее не удержишься.

Через несколько дней Аланд показал Веберу весь перечень концертов с примерной программой каждого выступления. Три-четыре концерта в месяц, разные города, но времени для внутренних упражнений оставалось много. Аланд пригласил Гейнца и предложил Гейнцу ознакомиться с его графиком выступлений – примерно в том же режиме. Гейнц удивленно пожал плечами.

– Еще два-три концерта в неделю – я бы понял... – сказал Гейнц

– Гейнц, я не хочу, чтобы ты занимался голым переигрыванием музыкальных текстов, еще раз обращаю твоё внимание на то, что медитация – главная дисциплина в Корпусе, концерт – это надводная часть айсберга, главное, чтобы тебя не переворачивало вверх ногами.

– Музыка и есть моя медитация.

– Отчасти так, потому я и оставил тебя играть, а не забираю с собой, как Карла.

– Ладно, если будет еще преподавание... Мне кажется, вы недооцениваете меня. Ленц хотел к вам заехать...

– Знаю, он звонил.

– Те концерты, что предлагает он, у вас не обозначены.

– Значит, их быть не должно.

– Он предлагает Париж, Вену, Лондон, Рим. Мне отказаться?

– Разумеется.

– Странно, господин генерал, это совсем другой размах.

– Я сказал тебе, что я об этом думаю.

Гейнц пожал плечами еще раз.

– Карлу обязательно ехать с вами? Он не хочет, мы бы с ним поиграли...

– С Карлом вы хорошо играете, но еще лучше веселитесь. Веселье пока придется приостановить.

– Я не вижу необходимости играть вполсилы, не играть с Карлом, и в том, что вы разделяете семьи. Я не понимаю сейчас того, что вы делаете, господин генерал.

– Я как раз не прошу тебя играть вполсилы и делаю все, чтобы этого не случилось. Насчет разделения семей ты тоже не прав. Есть связи куда более прочные, чем держать друг друга за руку, странно, что я должен это тебе объяснять. Где твоя любовь? Или ее не существует?

– Не надо об этом.

– Я тоже думаю, что не стоит.

Гейнц взял программы Вебера, пробежал их глазами.

– Вы уравнили меня с фенрихом? Вы забываете, что музыка – это мой вопрос, это все время в сутках на протяжении многих лет... Мне столько всего хотелось сыграть, от меня это не требует практически никакой подготовки... Это несправедливо, наконец. Я деградировал как музыкант, тогда зачем вы вообще меня выпускаете? Отправьте меня к Гаусгофферу, я пойду учить офицеров драться.

– Не беснуйся, Гейнц, у Вебера меньше времени, потому он играет больше. У тебя еще время есть, все, что захочешь, сыграть – сыграешь. От Ленца держись подальше.

– Я могу уехать к себе?
– Завтра с утра уедут женщины и Альберт, вечером уедем мы, и вы тоже покинете Корпус.
– Можно я буду присутствовать при вашем разговоре с Ленцем?
– Нет, с Вебером держитесь друг друга, а от Ленца подальше. У вас не так много концертов с ним.

– Не понимаю, господин генерал.

– Чтобы понял, ночью позанимаюсь с тобой Генделем, у тебя первым заявлен он.

– В Генделе-то у меня какие проблемы?

– Я тебе объясню, Гейнц, не переживай.

Гейнц ушел огорченный.

– Видишь, как его перетряхивает? – усмехнулся Аланд. – Ему захотелось славы.

– Он достоин славы.

– Она его убьет, во всяком случае, та слава, что ему уготовил Ленц. Он забыл концерт Мендельсона. Смотри за ним, Рудольф, за Гейнца тревожно. Его пошло чистить, он прожил столько лет почти безмятежно, но не огорчайся заранее, он быстро все сообразит, дураком он никогда не был. Относись ко всему спокойно и стой на своем, он быстро меняет свое мнение. Я ничего категорически запрещать ему не буду, пусть набьет шишек. А тебя я проинструктирую, что делать в случае, если он не рассчитает сил. Этого не миновать – и вытаскивать его с того света придется тебе.

– Вы можете им так рисковать?

– Нет, я как раз забочусь о том, чтобы риск исключить, ты справишься. Абель отработал все болячки Гейнца до мелочей, сделать курс инъекций, инфузий – не составит для тебя труда. Миокардит от всего прочего ты отличишь, это единственное, что ему угрожает, когда он опустошает свое сердце. Перечисли мне признаки его болячки, пока мы идем в лабораторию. Я собрал все необходимые медикаменты. Вебер, пока не будет твоих, помни, что твоя главная задача – обрести внутренний покой, о котором мы говорили. Ты не должен позволять эмоциям рваться наружу иначе как в музыке. В музыке – пожалуйста, но тоже неплохо урезонивать себя, чтоб не транслировать на весь мир астральную грязь. Тебе доступен иной уровень музицирования, и помни, что твоя нестабильность делает нестабильным существование тех, кто связан с тобой, то есть твоей семьи. Если начнет болеть Альберт, то сломай себе голову, пока не поймешь, в чем ты неправ.

– Такое может быть?

– Может быть, а может не быть. Работай, взвешивай, думай, мудрей.

– Я смогу приезжать к семье?

– Работай, не отвлекаясь.

– Я не увижу, как сын будет расти...

– Ты все увидишь, если захочешь, учись видеть то, что от тебя удалено.

– Но Абея я не вижу до сих пор.

– Потому что ему это не нужно. Он строит свою жизнь, и ты займись собой. Сейчас покончим с делами, побудь с семьей. Не бери в голову то, что будет завтра. Каким ты себя им сегодня отдашь, таким ты и останешься с ними на время вашей короткой разлуки. Итак, я тебя слушаю, что тебя должно насторожить в Гейнце, какие первые внешние признаки его болезни могут служить для тебя поводом к беспокойству, и какие меры ты должен будешь сразу принять?

Глава 64. Репетиция

Утром проститься с женщинами и Альбертом Гейнц вышел только после того, как его специально позвали, всем едва кивнул, побродил с Альбертом на руках, Альберт смотрел на Гейнца с непониманием, он не привык видеть Гейнца без улыбки, непроходимо молчащим, брал Гейнца за лицо, поворачивал к себе, смотрел и смотрел на него.

Гейнц простился и снова затворился у себя. Вебер подходил к его дверям, чтобы обсудить их отъезд, и не входил, слыша за дверью напряженное выслушивание Гейнцем каждого звука. Этот вид работы требовал от Гейнца какой-то особой концентрации, было ясно, что в чем-то Аланду во время их ночной игры с Гейнцем удалось его переубедить.

Уезжали Аланд, Карл, Кох – Гейнц опять вышел, как через силу. Пожал всем руки и убрался к себе, возобновив свое занятие. Вебер ждал его до полуночи, решил зайти, Гейнц воспринял вторжение Вебера без энтузиазма.

– Надо уезжать. Аланд просил, чтобы уже завтра тут никого не было.

– Завтра и уеду. Поезжай.

– Завтра наступило, Гейнц.

– Утром уеду.

– Ты поедешь к себе?

– Разумеется.

– Я надеюсь, ты на меня не рассердился?

– Нет. Просто работы много. Ты не понимаешь, фенрих, как он это играл. Я не понимаю, мне не поймать этот звук. Как он это делает?

– Он не сказал тебе как?

– Он сказал – ищи, сказал, что ты знаешь. А как ты можешь это знать? Ты скрипку в руках не держал.

– Он тебя дразнил, Гейнц.

– Но скажи мне – как, почему от его звука меня прошибает до дрожи. А я?.. Это все не то. Ты торопишься?

– Нет, я жду тебя, думал, ты поедешь ко мне.

– Поиграешь со мной? Я понятия не имею, как и откуда ты можешь это знать, но он не шутил. Я помню твой концерт для двадцати музыкальных идиотов, куда тебя там черти до февраля уносили, но ты тогда играл не так, как всегда. Где ты был, что он тогда сделал с тобой? Уже год прошел, но ты с тех пор прежним собой так и не стал. Понятно, что пока ты носился с пленками, вроде бы сделался попроще, но это в тебе никуда не делось. Он мне сказал, чтобы я перед тобой носа не задираю, что про звук на данный момент ты знаешь куда больше, чем я.

– Гейнц, я никуда не уезжал, все это время я был в Корпусе в интенсивной медитации, тогда Аланд не хотел, чтобы кто-то об этом знал.

– Он меня как кастрировал сегодня, вообще голос пропал, не звучит. Понимаешь, ничего не звучит, пустота.

– Тебе кажется, Гейнц, я не раз приходил к дверям, слушал тебя – великолепный звук.

– Это лепет, Вебер, это не звук, сыграй со мной. Я попробую сыграть от начала до конца...

– Гейнц, может, тебе наоборот стоит прерваться, ты переиграл? У тебя даже глаза воспалились.

– Не знаю, с чего им воспаляться, в ноты я не смотрю, сонаты Генделя я переиграл пацаном. Тебе что, трудно?

– Нет, я с удовольствием поиграю с тобой, давай пока не будем разбегаться по сторонам, ты всегда сможешь послушать меня, я тебе подыграю, если нужно. Где ноты?

– На полке. Фенрих, что может дать зомбирование в пустоту? Я должен искать звук.

– Ты должен его слышать, Гейнц.

– Я его слышу, я не слышу его при звукоизвлечении, он не тот, что звучит внутри, а мне послезавтра играть.

– Ты великолепно сыграешь, а то, что ты собой недоволен, так я никогда не видел, чтобы ты был удовлетворен своей игрой, это всегда так было.

– Я еще играю черт знает с кем. Почему не с тобой?

– Я не знаю, думаю, Аланд пытается ввести тебя в консерваторские круги, тебе там преподавать. Я слышал, что твой концертмейстер – молодой, талантливый парень. Вряд ли он сыграл плохо, учат же их там чему-нибудь.

– То, что я там слушал несколько раз, пока с Аландом болтался, – так этому и учиться не стоит. Завтра к одиннадцати я должен быть на репетиции, договорились сыграть хотя накануне, я просил раньше, мне сказал Ленц, что в этом нет необходимости. А как ее может не быть?

– Но это профессиональные музыканты, Гейнц, играть – их профессия.

– Как латать сапоги, понимаю.

Даже говоря с Вебером, Гейнц оставался где-то далеко, он слышал Вебера и не прекращал выслушивания внутри себя, Вебер хорошо знал этот полуотсутствующий взгляд Гейнца. Играл он, с точки зрения Вебера, удивительно. Вебер сам осторожничал над звуком, боясь нарушить гармонию Гейнца, сам поддался его парению над звуком. Вебер успокоенный опустил руки, доиграв сонату до конца. Гейнц бессильно сел в кресло.

– Полная чепуха.

– Нет, Гейнц, это было хорошо. Поедем домой. Тебе надо отдохнуть.

– Аланд, конечно, приказал тебя во всем слушаться.

– Перестань. Ты сам напросился на то, чтобы он наговорил тебе не то, что ты хочешь.

Поехали, Гейнц.

Пока Вебер на скорую руку пытался приготовить ужин, Гейнц заснул прямо в кресле, вид его был усталым и недовольным даже во сне. Вебер тоже решил, что выпится, последние дни до сна как-то не доходило.

Проснулся он оттого, что Гейнц, уже умытый и бодрый, расталкивал его на разминку. Шесть утра.

– Поехали к озеру, фенрих, можно было вчера и не уезжать, никакого смысла не было в нашем перемещении.

– Почему никакого – мы выполнили приказ Аланда, какой еще тебе нужен смысл?

– Здравый, фенрих. У Аланда тоже бывают с этим проблемы, он стареет, как бы он там ни хорохорился. Он сдает в последнее время просто на глазах.

– Перестань, Гейнц. Но я вижу, что у тебя хорошее настроение. Я рад.

– У меня ужасное настроение, фенрих, я даже утоплю тебя в озере.

– Тогда я и умываться не буду.

– Это рационально.

К их удивлению, ворота Корпуса были открыты, за воротами были посторонние люди, рабочие грузили строительные материалы.

– Видишь, Гейнцек, как хорошо, что мы уехали, нас хоть камнями не завалили.

– Аланд что-то строить собрался?

– Он говорил, что будет что-то достраивать.

– Даже к турнику не подойдешь.

– Он сказал здесь не появляться, пойдем к озеру, разомнемся вдали от посторонних глаз.

– И как долго все это будет длиться?

– Женщины вернуться, и для нас это будет знак к возвращению в Корпус.

– Идем, я не могу этого видеть. Я вообще перемен не люблю.

– А сам их просишь. Зачем тебе дальние гастроли? Рим сюда не приедет, да и Лондон вряд ли, для меня так и Мюнхен – у черта на рогах. Какая разница, где играть.

– Никакой, а вот без турника – проблемы. Еще подтянуться можно, если ветку покрепче отыскать, но всерьез не размяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.